

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

И. А. Попп

*Местный волостной суд
в 1860 –1890-х гг.*

учебное пособие

Екатеринбург 2017

УДК 34(091)(47)(075.8)
ББК ХЗ(2)52я7
П58

рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве *учебного* издания (Решение № 718 от 08.11.2017)

Рецензенты:

Черноухов Анатолий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Грибан Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет

Попп, И. А.

П58 Местный волостной суд в 1860 – 1890-х гг. [Электронный ресурс] : учебное пособие / И. А. Попп ; Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-7186-0927-1

Учебное пособие является дополнением к курсам История России, История государства и права, История Урала и раскрывает причины организационных проблем крестьянского волостного суда, особенности его развития. В историко-правовом аспекте исследованы этапы становления волостной юстиции, приведены примеры из крестьянского судопроизводства, раскрыты критические оценки волостного суда. Автор обратил внимание на деятельность местного волостного суда в отдаленной от центра и огромной по площади Пермской губернии, что предопределило особенности в развитии волостной юстиции.

Издание предназначено для бакалавров и магистрантов юридических, исторических направлений подготовки, специалистов в области Истории России и Урала

УДК 34(091)(47)(075.8)
ББК ХЗ(2)52я7

ISBN 978-5-7186-0927-1

© Попп И. А., 2017
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2017

Содержание

Введение	4
Глава 1. Характеристика волостного суда	7
§ 1.1. Становление выборной волостной юстиции: взгляд современников.....	7
§ 1.2. Проекты губернаторов по преобразованию выборного волостного суда.....	28
Глава 2. Из практики волостного суда...	39
§ 2.1. Лихоимство, мздоимство, пьянство и превышение власти крестьянскими судьями: к вопросу наказания и реформирования волостной юстиции.....	39
§ 2.2. Особенности развития волостного суда в Пермской губернии.....	61
Заключение	77
Список литературы	79

Введение

Реформы 1860–1870-х гг. являлись важным этапом модернизации России. В повседневную жизнь российского общества приносились буржуазно-демократические институты. Преобразования, начавшиеся с освобождения крестьян, требовали законодательной основы, поэтому судебная реформа 1864 г. стала закономерным и предсказуемым этапом.

В 1860-х гг. в центральных губерниях Российской империи сформировалась система общих и местных судебных учреждений. К первым относились окружные суды, судебные палаты и Сенат, ко вторым – волостные и мировые суды, так называемые «местные суды» – это судебные учреждения территориально приближенные к населению и обособленные от общих судебных инстанций. Они отличались упрощенным судопроизводством, были направлены на примирение сторон, рассматривали незначительные уголовные и гражданские дела (иски до 500 рублей), формировались и финансировались местным населением¹.

Итак, местный суд включал институт мировых судей, созданный для упрощения, удешевления, ускорения судопроизводства, приближения суда к населению, внушения ему доверия и уважения к местному правосудию. Создатели судебной реформы 1864 г. считали мировые учреждения наиважнейшими, что нашло отражение в словах министра юстиции Д. Н. Замятина, который назвал мировой суд «краеугольным камнем гласного, скорого, правого и милостивого суда»². Деятельность мировой юстиции базировалась на европейском опыте организации независимой судебной власти, включала принципы гласности, всесословности, состязательности, быстроты рассмотрения дел, презумпции невиновности, апелляционного и кассационного обжалования. Российские

---

¹ Составлено автором по: Коц Е.С. Местный суд и его реформа. СПб., 1913. С. 8–18; Люблинский П.И. Выборный местный суд. Пг. 1917. С.17–28; Дерюжинский К. Местный суд. Восстановление выборного мирового суда применительно к законодательным предположениям третьей Государственной думы. М., 1909. С. 3–12; Генкин Д.М. Местный суд и его реформа. М., 1908. С. 1–12; Подоба И.Г. Новый местный суд (по закону 15 июня 1912 г.) Одесса, 1914. С. 4; Вольтке Г.С. Новый местный суд. Пг., 1915. Ч. 2. С. 1–2; Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч.2. С. 24; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2). СПб., 1863. Т. 36. № 36657. С. 157.

² Джаншиев Гр. К 30-летию Мирового Суда // Выборный мировой суд. Сб. статей. СПб., 1898. С. 21.

мировые судьи, в отличие от европейских, избирались гласными уездных и губернских земских собраний.

Одним из результатов введения «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г. стало создание крестьянского самоуправления³, «главнейшим судебным органом» которого являлся волостной суд⁴. Ежегодно на волостном сходе крестьяне избирали из своей среды от 4 до 12 судей, которые решали споры, тяжбы между крестьянами и разбирали их дела по маловажным проступкам. Максимальное наказание, выносимое этими судами за мелкое воровство, мошенничество, драки и др., составляло до 6 дней общественных работ, либо денежное взыскание до 3 рублей, либо арест до 7 дней, либо телесное наказание до 20 ударов розгами. Решения судей были окончательными, беспелляционными и до 1866 г. не могли отменяться.

Волостные суды рассматривали крестьянские проступки на основе обычного права (тесно связано с традицией, столетиями передавалось «из уст в уста», имело первостепенное значение в крестьянской среде)⁵. Это касалось множества мелких крестьянских исков друг к другу: «оскорбления», денежные взыскания за «побои», споры по договорам и имуществу, семейно-бытовые проблемы и др. Если крестьянин совершал преступление против лица, не принадлежавшего к его сословию, или иск превышал установленную законом сумму, то дело передавалось в мировой или окружной суд⁶.

Несмотря на устное судопроизводство в волостном суде и отсутствие практики применения законодательства Российской империи, волостным писарям поручалось ведение специальных книг для записи решений суда. Положение 19 февраля 1861 г. не предусматривало никаких надзорных органов за деятельностью волостных судей со стороны общих судебных инстанций. В результате в пореформенное время активно действовало сословное, выборное, колле-

---

³ ПСЗ-2. Т. 36. Ч. 1. № 36657. С. 155–169.

⁴ Дашкевич Г.А. О волостном суде и его реформе (из наблюдений над крестьянским самоуправлением). Вильна, 1885. С. 2.

⁵ Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX века // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 97–110.

⁶ Лихарев В. О подсудности уголовных дел мировым судьям // Журнал министерства юстиции. 1868. № 4. С. 295–314.

гиальное, независимое, безапелляционное крестьянское судебное учреждение, применявшее нормы обычного права и распространявшее свою власть на 80% населения страны.

Таким образом, одновременно сосуществовали два вида местных судов: всесословный (мировой) и сословный (волостной). Первый осуществлял правосудие на основе позитивного права (закона), второй – обычая (традиции). Местное правосудие совмещало в развитии судебной системы европейские тенденции и национальные традиции. Подобная структура российского местного суда первоначально отвечала потребностям трансформации аграрного в индустриальное общество и представляла переходную модель, сочетавшую традиционное и современное⁷. В дальнейшем предполагалось замещение традиции современным: через правовое воспитание населения и повсеместное утверждение общего законодательства. Несмотря на полярные различия в структуре местных судов, отличительной чертой их развития в период 1860–1880-х гг. стала гласность, выборность, «самоуправляемость» и независимость суда.

В учебном пособии мы обратимся к характеристике организации и деятельности сословного, выборного, коллегиального, независимого, безапелляционного крестьянского судебного учреждения, которое действовало в великорусских губерниях Российской империи в 1861–1889 гг. и было преобразовано в рамках введения института земских начальников.

---

⁷ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX в. / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000; Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; и др.

Глава 1. Характеристика волостного суда

§ 1.1. Становление выборной волостной юстиции: взгляд современников

В современной историографии определилась тенденция к идеализации волостного суда как хранителя неких традиционных норм и правил поведения в русской крестьянской общине⁸. Часть сторонников апологетики волостной юстиции, к сожалению, мало обращается к неопубликованным историческим источникам и публикациям современников пореформенного периода, описывавших различные случаи из практики «хранителей крестьянского благополучия». Другие исследователи, довольно глубоко изучавшие волостной суд и знавшие, что в дореволюционный период преобладали негативные оценки крестьянской юстиции, сегодня пытаются представить ее, как некую структуру, имевшую «опору в крестьянском понимании правопорядка, в представлениях о справедливом решении дел», которая «могла достаточно полно отражать интересы крестьянина и была понятной для всех участников»⁹.

Мы придерживаемся мнения, что российский «правовой плюрализм», т.е. терпимость в отношении местных религиозных и общественных обычаев, легализация этих обычаев посредством интегрирования разнообразных местных судов в государственную судебную систему¹⁰, был своеобразной вынужденной мерой, позволявшей самодержавной власти огромной империи устанавливать контроль над населением и территорией, сохранять целостность государства, не создавая единой и согласованной правовой системы, требовавшей огромных материальных, человеческих и интеллектуальных ресурсов.

---

⁸ Меншиков И.С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 119–124; Максимов Д.С. Волостной суд в системе правового регулирования деятельности крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX вв. // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 2 (4). С. 63–66; Шуструйский А.В. Волостной крестьянский суд в период проведения крестьянской реформы 1861 года // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 183–185; и др.

⁹ Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60 – 80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007. С. 61.

¹⁰ Бёрнбэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей. М., 2004. С. 320–358.

Обратимся к отзывам и заметкам современников выборного волостного суда. Если первоначально мировая юстиция вызвала бурю положительных эмоций в российском обществе, то к волостному суду многие отнеслись с недоверием. Возникали острые дискуссии по поводу деятельности и будущего развития этого судебного института. Уже в начале 1860-х гг. появились публикации, в которых авторы негативно отзывались о волостной юстиции. Они справедливо указывали на то, что крестьянский суд неподконтролен ни общим судебным, ни административным учреждениям, поэтому иногда «творит» самый «беспощадный и безжалостный произвол». Причем невозможно не только опротестовать судебные приговоры, но даже их приостановить. Современники подчеркивали, что сами крестьяне не признавали «канцелярский» волостной суд, который у них никогда не существовал, а был образован также как и административно-территориальные единицы – волости – искусственным способом «из разнородных элементов». Часто от крестьян можно было услышать следующую фразу: «Знать его не знал, и отцы его не ведали...»¹¹, потому что с древности в каждой крестьянской общине существовали «домашние» общинные суды – «суды стариков», разрешавшие огромное количество мелких споров между общинниками на основе устного, обычного права.

Интеллигенция задавалась вопросом: «Разве всякий мужик способен быть судьей?» и удивлялась решениям волостных судей, которые невозможно было оспорить¹². По мнению образованной части российского общества, действиями неграмотных судей-мужиков управляли волостные старосты и писари, а крестьяне не умели грамотно распоряжаться «дарованным» им избирательным правом, поэтому выбирали в судьи самых «худших» из крестьян¹³. Защитники волостного суда, наоборот, отмечали его положительные стороны: близость суда к населению, простое и неформальное решение огромного количества мел-

---

¹¹ Домашняя летопись // Русское слово. 1864. № 6. С. 108.

¹² Марков К. Из деревни. СПб., 1862. С. 1–4.

¹³ Лунгин С.Ф. Волостные суды // Русский вестник. 1864. № 3. Т. 50. С. 383–397; Домашняя летопись // Русское слово. 1864. № 6. С. 101–120; и др.

ких судебных дел на основе обычного права. Они надеялись на постепенное самосовершенствование крестьянского судебного института¹⁴.

С середины 1860-х гг. в министерства юстиции и внутренних дел поступали многочисленные «просьбы» с ходатайствами об усовершенствовании волостного судопроизводства. Так, в большинстве случаев указывалось на неподсудность крестьян вновь образованному сословному мировому суду; на исключительные полномочия волостных судов, чьи решения не подлежали пересмотру; на неграмотность судей и их подчинение волостным писарям; на неравнозначность наказания за одни и те же проступки: «Всем крестьянским населением давно осознана положительная несостоятельность волостных судов и, несмотря на крики псевдолибералов и народолюбцев, положительно скажу, что волостные суды идут отвратительно дурно, что народ ими гнушается, что чем скорее их уничтожат, тем лучше, и что ничего в них народного нет и быть не может. Учреждены они при ведении министерства государственных имуществ в виде сельских и волостных расправ, взяты неизвестно откуда, но никак не из народной жизни, где с испокон веков существовали для решения крестьянских дел сельские сходки»¹⁵. Уже к концу 1860-х гг. в профильных министерствах скопилось огромное количество заметок, ходатайств и предложений по реформированию волостного суда.

Даже во всеподданнейшем отчете по реализации крестьянской реформы 1861 г. министр внутренних дел П.А. Валуев признал, что «из всех новых общественных властей и учреждений наименее удались волостные суды»¹⁶. Подобные взгляды сформировались и у министра юстиции К.И. Палена, который в письме к П.А. Валуеву не сомневался в «несовершенстве учреждения волост-

---

¹⁴ Геннади Г. Кое-что о волостных судах // День. 1862. № 20. С. 14–15; Воронов Ф.Ф. Сорок лет тому назад // Вестник Европы. 1904. № 7. Кн. 7. С. 6; Пестржецкий А. О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. IX. С. 3–30; Якушкин Е. Волостные суды в Ярославской губернии // Юридический вестник. 1872. № 3. С. 1–12; и др.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 7.

¹⁶ Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА). Крестьянское дело (из отчета министра внутренних дел за 1861 – 1863 годы). СПб., 1865. С. 29.

ных крестьянских судов, действительно пользующихся по своему пристрастию доверием со стороны крестьянского населения»¹⁷.

Впервые об объединении волостного и мирового судов рассуждали в правительственных кругах еще при подготовке судебной реформы 1864 г. Так, вопрос о взаимодействии двух выборных судебных учреждений возник в апреле 1862 г. в Государственном Совете при рассмотрении «Основных начал преобразования судопроизводства и судоустройства» Российской империи. Существовало твердое убеждение, что «необходимо разъяснить отношение будущих мировых судей к теперешним сельским и волостным судам. Мировой судья... не может вполне заменить этих мелких судов, которые останутся, как и теперь, не в виде самостоятельного суда, а в виде предварительной местной расправы»¹⁸.

Подробно эту проблему рассматривали в Особой комиссии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части. Мнения членов комиссии разделились, но большинство выступило против каких-либо взаимодействий волостных и мировых судов: «Извлеченные из отчетов начальников губерний о действии волостных судов, отзывы, говорящие против этих судов, относятся лишь к частным случаям, которые можно встретить во всяком и в особенности новом учреждении. Из общего же смысла означенных сведений видно, что волостные суды, по большей части, действуют удовлетворительно, и что начала, на которых они учреждены, соответствуя вполне нуждам и понятиям народа, ручаются, что при дальнейшем развитии означенных судов, они будут повсеместно хороши»¹⁹.

В итоге 15 членов комиссии предложили предоставить право тяжущимся самостоятельно выбирать суд для ведения гражданских исков: «Вследствие сего, волостные суды, где они действуют хорошо, будут удовлетворять потребностям населения, где же они действуют дурно, там тяжущиеся будут обращаться большей частью к мировым судьям». Такое «мягкое» предложение не было поддер-

¹⁷ РГИА. Ф. 1405. оп. 66. Д. 3482а. Л. 12 об.

¹⁸ Цит. по: Земцов Л.И. Крестьянский самосуд... С. 44; А. Пазухин обращал внимание, что впервые подобная мысль в министерствах внутренних дел и юстиции возникла уже в 1858 г., см.: НСБ РГИА. Коллекция печатных записок. Ф. 152. Очерк предположений членов совещания по составлению проектов местного управления. Особое мнение А. Пазухина, С. Бехтеева, А. Оболенского, Г. Кондоиди, Т. Филиппова. Л. 5 об. – 6.

¹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 252 об. – 253.

жано большинством комиссии, поэтому на этапе подготовки Судебных уставов не удалось «установить правильную связь между этим важнейшим учреждением (волостным судом – автор) и всей судебной организацией империи»²⁰.

На протяжении 1860–1880-х гг. мнение об объединении волостной и мировой юстиций постоянно озвучивалось в общественных и правительственных кругах и вполне отвечало не только основополагающим принципам судебной реформы 1864 г., но и потребностям всех сословий, проживавших в сельской местности, в едином и структурированном местном суде с понятными законодательными нормами, апелляционными и кассационными инстанциями.

Судебные уставы 1864 г. отделили мировой суд от общих судебных учреждений, приблизив его к населению и введя единоличную власть судьи, не требовавшую ни специального юридического образования, ни сложного формального судопроизводства²¹. При обсуждении проекта Устава гражданского судопроизводства большинство членов Особой комиссии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части разрешило мировым судьям применять обычное право в судопроизводстве²², что стало веским аргументом защитников объединения волостного и мирового судов.

Однако обособленность волостного суда от общих судебных учреждений и нерешенность организационных проблем ежегодно усиливали его критику. Губернаторы, председатели окружных судов и прокуроры, почти все мировые съезды «с замечательным единодушием описывают несовершенство волостных судов и требуют в этом отношении коренного преобразования... Нельзя не изумляться, что люди, столь разносторонне направленные и развитые, из самых отдаленных и разнообразных местностей, могут во мнениях и суждениях своих так близко с собой сходиться»²³.

Научный интерес представляют взгляды представителей российской судебной системы, так называемых профессионалов-практиков. Сразу после вве-

---

²⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 247 – 252 об.; НСБ РГИА. Печатная записка № 645. Записка Государственного секретаря В. Буткова от 24 декабря 1863 г. О работе комиссии по преобразованию судебной части. Л. 1 – 14; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 290. П. 22. Д. 2. Л. 19 об. – 27 об.

²¹ ОР РГБ. Ф. 290. П. 46. Д. 6. Л. 2 – 2 об.

²² Там же. П. 22. Д. 2. Л. 38 об. – 44.

²³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 50.

дения волостных судов в декабре 1862 г. судебный следователь Подольского уезда Победимов написал записку, где поставил основной вопрос: «Попали ли волостные суды на настоящую почву, привились ли они к ней?» Чтобы найти ответ, он обратил внимание сначала на возможные положительные стороны волостных судов: «Мы встретили в них новое начало. Увидали не того судью, который судит как механик, руководствуясь одной мертвой буквой, рассуждая только с одной безмолвной бумагой и вылившимися на нее чернилами, напротив, мы увидали здесь живого судью, имеющего дело с живыми лицами – истцом и ответчиком. Здесь является словесное разбирательство, которого почти еще не было и в общих судебных местах, коим подсудны все сословия»²⁴.

Затем следователь указал на «недостаток народного образования вообще и судей в особенности», «неправильное сознание народа о выборном начале», повсеместное пьянство в системе крестьянского самоуправления и рассмотрел законодательно закрепленные нормы организации волостного суда, примеры его деятельности. Вывод Победимова был однозначным: «Власти волостных судей безотчетно предоставлена большая доля обыденных отношений народной жизни... Волостной суд – безапелляционное судилище... Волостному суду дано слишком много кредита для народного самоуправления. На практике волостные суды не совсем оправдали данное им доверие»²⁵. Предложил при введении мировых судей совершенно уничтожить институт волостных судей, а «если и придется их оставить при новых началах, то необходимо, по нашему мнению, подчинить их благоразумному контролю мирового судьи, тогда еще можно ожидать от них какой-нибудь пользы»²⁶.

В 1863 г. прокурор Московской судебной палаты признал, что введение местных волостных сословных судов было обусловлено «желанием правительства устранить, по возможности, в делах крестьян с крестьянами разногласие, существующее между общим законодательством и разнообразными местными обычаями народа», но он совершенно отвергал право волостных судов наказы-

---

²⁴ ОР РГБ. Ф. 290. П. 163. Д. 5. Л. 1.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 290. П. 163. Д. 5. Л. 3.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 290. П. 163. Д. 5. Л. 5.

вать «по обычаю» за уголовные проступки: «Местные обычаи, положенные в основу при рассмотрении дел спорных по имуществу, теряют уже здесь всякое значение, ибо нигде нет, да и быть не может такого обычая, чтобы, например, драться, буйствовать и красть было терпимо»²⁷.

Прокурор Харьковского окружного суда отмечал, что отсутствует возможность для крестьян обращаться в мировой суд: «Волостные суды, наполняемые, по большей части, людьми далеко не принадлежащими к самым уважаемым лицам в сельском обществе, при отсутствии возможности правильной оценки своих решений и недостаточности правил об апелляционном разборе этих решений, сплошь и рядом, постановляя совершенно произвольные и неправильные решения, представляют, по отзывам компетентных лиц, одно из наиболее неудачных учреждений»²⁸. Эти представители судебной системы считали, что крестьянство лишено «беспристрастного» и «правильного» суда.

Заслуживают доверия мнения мировых посредников и судей, ежедневно сталкивавшихся с решениями волостной юстиции. Так, председатель Лугского мирового съезда отмечал, что после судебной реформы 1864 г. было образовано две ветви местного суда, которые действовали «на различных началах»: законе и традиции. Различные решения мирового и волостного судов «иногда прямо противоположенные, производят в народе понятие о праве гражданском весьма сбивчивое и вселяют недоверие к самому правосудию»²⁹. Председатель Серпуховского съезда мировых судей указывал, что волостные судьи не имели ни малейшего представления о различии в уголовных и гражданских делах, описывал примеры из собственной практики: «Крестьянин предъявляет гражданский иск об удовлетворении долговой претензии, суд усматривает, что ответчик уклоняется от платежа долга, в этом он видит уголовный проступок и подвергает наказанию розгами или арестом, или же, наконец, денежным штрафом; также поступает и с самим истцом, если он не докажет своего иска»³⁰.

---

²⁷ ОР РГБ. Ф. 290. П. 29. Д. 1. Л. 5 – 5 об.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 290. П. 29. Д. 1. Л. 5 об.

²⁹ ОР РГБ. Ф. 290. П. 29. Д. 1. Л. 6.

³⁰ ОР РГБ. Ф. 290. П. 29. Д. 1. Л. 6 об.

Председатель Суздальского мирового съезда сделал неутешительное заключение: «Положение волостных судов в течение уже почти девяти лет существования несколько не улучшилось, но, напротив того, ухудшилось: слабый надзор администрации, неграмотность и неразвитость крестьян, из среды которых избираются судьи, поставили волостные суды в более, чем худшее положение. Невзлюбил народ суды эти, бегают их, а если и идет, то поневоле»³¹. Этот же мировой посредник фиксировал большое количество обращений крестьян к мировым судьям, которые по закону не могли разбирать дела между крестьянами менее 100 рублей, поэтому, по мнению посредника, народ голосовал ногами против волостного суда. Во всех отзывах представителей Фемиды прослеживается попытка найти причину «плохой» деятельности волостных судей, которые слишком зависели от волостных старшин и писарей, были неграмотны и не получали денежного довольствия, их решения не исполнялись и подвергались повсеместной критике³².

Внимание к деятельности местного суда уделяли и земства, которые получили широкую автономию в условиях самодержавного правления. От земских собраний зависело материальное обеспечение мировой юстиции, что влияло на качественные и количественные показатели работы мировых судей. Гласные формировали и корпус судей, которые впоследствии осуществляли судебную деятельность на местах³³. Вместе с этим, земства мало влияли на организацию волостного суда, кадровый состав которого зависел только от волостного схода.

С самого начала введения сословного земского самоуправления и подконтрольного ему сословного мирового суда в среде гласных уездных и губернских земств возникали дискуссии о деятельности сословного волостного суда. Уже в 1867 г. Тверское губернское земское собрание направило ходатайство в министерство юстиции «Об изменении волостных судов и отношении их к суду мировому». Земцев, воодушевленных либеральными преобразованиями, возмущало, что за одно и то же преступление волостные и мировые суды осуждали совершен-

---

³¹ Там же.

³² ОР РГБ. Ф. 290. П. 29. Д. 1. Л. 5 – 9 об.

³³ Попп И.А. Мировой суд в Пермской губернии (сер. «Очерки истории Урала») / под ред. Э.А. Черноухова. Екатеринбург, 2011. Вып. 70. С. 246.

но по-разному: «Если крестьянин-вор украдет у другого крестьянина на сумму до 30 рублей, он, по решению волостного суда, не может быть приговорен к большему наказанию как к семидневному аресту. Тот же крестьянин, укравший у купца или дворянина одной копейкой выше полтинника, по решению мирового судьи может быть приговорен к годовому тюремному заключению. Возможно ли крестьянину втолковать причины такой неравноправности?»³⁴.

В действительности, даже «отнятие имущества», то есть грабеж рассматривали волостные судьи, поэтому вместо суровых наказаний (например, «отдача в арестантские исправительные роты на время от двух с половиной до трех лет»), крестьянам назначались 20 ударов розог или 7 дней ареста³⁵.

Неодинаковый подход, обусловленный сословными принципами и сохраненный после крестьянской, судебной, земской, городской реформ, вызывал справедливые сомнения: «При таком порядке имущество крестьянина не пользуется равной охраной суда с имуществом купца и дворянина, тогда как сбор на мировые судебные учреждения одинаково падает на все сословия»³⁶. Проблему внутренней несогласованности местного судопроизводства хорошо понимали на уровне земств. Представители Гадячского земства Полтавской губернии прямо заявляли: «Простой народ, строго говоря, не имеет суда. Окружной суд недоступен для народа по своей отдаленности от него и по дороговизне, мировой – как ограниченный узкими пределами подсудности, а волостной – как до последней степени несостоятельный и бессильный»³⁷. К тому же, отсутствие тесных связей между мировыми и волостными судами откладывало на неопределенный срок модернизацию правосознания большинства населения страны.

В результате основные замечания гласных земских собраний сводились к следующим пунктам: 1) отсутствие возможности апелляционных обжалований решений волостных судей («безапелляционное судилище»); 2) безальтернативность волостного судопроизводства; 3) зависимость волостных судей от во-

---

³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 6 об.

³⁵ Якушкин Е. Волостные суды в Ярославской губернии // Юридический вестник. 1872. № 3. С. 6–7.

³⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 7.

³⁷ НСБ РГИА. Печатная записка № 156. Материалы по преобразованию местного управления в губерниях (доставлены губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам). Л. 1 об.

лостных писарей и волостной администрации; 4) отсутствие твердо установившихся обычаев и разнообразные трактовки волостными судьями норм обычного права; 5) неграмотность, «лихоимство» и пьянство в среде волостных судей³⁸. В целом, представители уездных и губернских земств считали, что крестьяне не имеют доступного местного суда, поэтому система пореформенной местной юстиции представлялась земцам неэффективной, безальтернативной и несправедливой. Таким образом, современники делали правильный вывод: «Против волостных судов с самого начала их учреждения слышались уже порицания, и ежели иногда раздаются голоса в их защиту, то можно, кажется, без ошибки сказать, что общественное мнение против них»³⁹.

Во второй половине 1860-х гг. начальники губерний надеялись без «коренных преобразований» усовершенствовать деятельность волостного суда. Одной из таких попыток стало требование рассылки общих сельских судебных уставов: «Волостные суды, не имея ни судебныхников, ни прямого разъяснения, какие из маловажных проступков уголовного характера подлежат их обсуждению, по недоразумению или неправильно отказывают в разбирательстве обращающимся к ним просителями, или, наоборот, принимают к рассмотрению такие дела, которые им вовсе неподсудны». Это требование получило отказ в связи с отсутствием «данных» для составления руководств, а также грамотных волостных судей, для которых подобные правила «послужили бы непреодолимой преградой к установлению самостоятельной крестьянской расправы»⁴⁰.

С 1866 г. крестьяне смогли обжаловать в съездах мировых посредников решения волостных судов в кассационном порядке⁴¹, но это частное нововведение не улучшило ситуацию, так как тяжущиеся чаще всего обращались с просьбами о пересмотре дела «по существу». Бесконтрольное существование независимого судебного учреждения, творившего по своему разумению «суд и расправу» над большей частью населения страны, вызывало острые дискуссии, результатом которых стало создание специальной комиссии, «Высочайше учре-

³⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 1 – 260.

³⁹ Якушкин Е. Волостные суды в Ярославской губернии // Юридический вестник. 1872. № 3. С. 1.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 69 об., 76 об. – 77.

⁴¹ ПСЗ-2. Т. 41. Ч. 1. № 43014. С. 132 – 133.

жденной для подробного обсуждения вопроса о волостных судах». В 1871 г. ее возглавил сенатор и член Государственного совета М.Н. Любощинский⁴². Для мониторинга «положения волостных судов» члены комиссии скрупулезно собирали сведения в 17 российских губерниях, источниками которых стали словесные опросы крестьян, письменные отзывы и мнения должностных лиц, описания процесса судопроизводства и решений волостных судов⁴³. При этом современники отмечали огромную значимость собранного материала для исследования не только «местного крестьянского суда», но и крестьянского быта, народных обычаев⁴⁴.

Существенный вклад в оценку деятельности волостных судов внесли начальники исследовавшихся комиссией губерний. Владимирский губернатор явно заявил о желании «переустройства волостных судов на совершенно иных началах». Остальные указывали на «неудовлетворительное» состояние волостной юстиции, но считали невозможным ее ликвидацию и предлагали систему мер по развитию местного волостного суда: 1) издать сельский судебный устав с определенными нормами обычного права; 2) усилить надзор за волостными судьями через контроль выборов судей; 3) ввести волостной суд в структуру мировой юстиции и обжаловать дела в апелляционном порядке; 4) повысить престиж волостного суда через введение оплаты труда и особых знаков отличия судей⁴⁵.

По итогам «обследования» сенатор М.Н. Любощинский выделил основные причины «недостатков» волостного суда, среди которых назвались неграмотность судей, их зависимость от волостных старшин и писарей, существование крестьянских самосудов, безапелляционность решений волостного суда, отсутствие надзора и контроля над ним, а также работа судей на общественных началах и краткий срок их службы. Все эти недостатки назывались губернато-

---

⁴² См. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Отзывы различных мест и лиц. СПб., 1873. 635 с.; Зарудный М.И. Законы и жизнь... С. 3–193; Зарудный М.И. Опыт исследования местного крестьянского суда (по данным, собранным комиссией о волостных судах) // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. № 3–4. Кн. 2. С. 170–211.

⁴³ См. Труды комиссии по преобразованию волостных судов в 8 т. т. 1 – 8, СПб., 1873 – 1874 гг.

⁴⁴ Зарудный М.И. Опыт исследования местного крестьянского суда (по данным, собранным комиссией о волостных судах) // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. № 3–4. Кн. 2. С. 170–171; Ефименко А. Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. № 1. С. 1–45.

⁴⁵ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Отзывы различных мест и лиц. СПб., 1873. С. 1, 55, 177, 267, 403–408, 571 – 573.

рами и были отражены в итоговом отчете Любощинского: «Приняв во внимание вышеуказанные недостатки волостных судов, нельзя не прийти к заключению, что они настолько существенны, настолько подкапывают в корень правильный ход правосудия, настолько несовместны с идеей суда хотя бы и по маловажным делам, что требуют неотлагательных мер к их преобразованию»⁴⁶.

Однако в 1870-х гг. не произошло кардинальных изменений в устройстве волостного суда, а критика и жалобы на него усиливались. Уездные и губернские земские собрания через губернаторов обращались в министерства юстиции и внутренних дел с ходатайствами об изменениях в организационной структуре волостной юстиции. Основное предложение – это подчинение в апелляционном и кассационном порядках волостного суда судебно-мировым учреждениям⁴⁷ из-за «часто встречающихся неудовлетворительных решений волостных судов от разных причин, между которыми является или неусвоение волостными судьями своих обязанностей, или пристрастие к одной из тяжущихся сторон»⁴⁸. Представители земских собраний ходатайствовали о предоставлении права мировым судьям принимать к своему разбору все гражданские дела без ограничения взыскиваемой суммы (по закону мировой суд мог разбирать дела между крестьянами с суммой иска выше 100 рублей).

Подобные идеи поддерживали не все. Так, в 1879 г. харьковский начальник губернии отмечал, что в таком случае «количество дел у мировых судей должно более, нежели удвоиться, а, вместе с тем, и затруднится своевременное их разрешение. Соответственное же увеличение состава мировых судей, а, следовательно, и новые значительные со стороны земства расходы на этот предмет в настоящее время вряд ли будут по силам земству»⁴⁹. Это замечание губернатора вполне справедливо и подтверждалось материалами отдаленной Пермской губернии, где в течение двадцатилетнего периода наблюдалось постоянное увеличение количества «возникших» уголовных и гражданских дел у мировых су-

---

⁴⁶ НСБ РГИА, Печатная записка № 645, Записка сенатора М.Н. Любощинского по вопросу об устройстве крестьянских судов. С. 1–4.

⁴⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 66, д. 3482в, л. 63–63 об., 72–78, 116–117, 135–135 об., 212–212 об.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482в. Л. 116.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482в. Л. 213.

дей. Однако из-за давления со стороны центральной власти уездные земства постоянно сокращали «обязательные» расходы на мировую юстицию, что влияло на уменьшение числа судей и судебно-мировых участков. Итогом подобных действий становилось «запускание» судопроизводства и жалобы на деятельность мирового суда⁵⁰. Выход из этого трудного положения мог быть найден только при назначении софинансирования мирового суда со стороны министерства финансов.

В 1870–1880-х гг. в Российской империи произошло осознание необходимости преобразования волостной юстиции, поэтому на повестке дня стоял один из важнейших вопросов: «Нужно ли сохранить волостные суды?»⁵¹. Даже апологеты волостной юстиции признавали проблемы в организационных аспектах волостного суда и жаловались, что их оппоненты «решили сплеча, что суд этот никуда не годится, что учреждение это следует вырезать с корнем из народной жизни, вместо того, чтоб постараться об изменении его на более разумных началах, с сохранением в нем того, что в нем бесспорно есть хорошего, с устранением того, что оказалось в практике неудобным, и не достигающим своей цели»⁵².

Общественность пореформенной России не только критиковала или защищала волостных судей, указывая на их достоинства и недостатки, но и предлагала более или менее радикальные проекты преобразования местных судебных учреждений⁵³. Один из современников подтвердил, что «крестьянский суд давно уже обращает на себя внимание правительства и общества. Существует по этому предмету весьма обширная литература, но высказываемые в ней взгляды на зна-

---

⁵⁰ Попп И.А. Мировой суд Пермской губернии в 1873 – 1893 гг. Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 224–235.

⁵¹ Нужно ли сохранить волостные суды? М., 1873. 35 с.

⁵² Санкт-Петербургские ведомости. 28 сентября (10 октября) 1872. № 266. С. 1.

⁵³ По вопросу о преобразовании волостных судов // Отечественные записки. 1873. № 1. С. 85–92; Зарудный М.И. Неразрешенный еще вопрос русской общественной жизни (крестьянский суд) // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. № 5–6. С. 172–196; Галкин-Враский Н. Об уездном самоуправлении // Юридический вестник. 1881. № 3. С. 506–523; Дашкевич Г.А. О волостном суде и его реформе (из наблюдений над крестьянским самоуправлением). Вильна, 1885. 104 с.; Языков А.И. О преобразовании волостного суда. Доклад действительного члена юридического общества при Императорском СПб. Ун-те в заседании Административного отделения общества 12 января 1885 г. СПб., 1886. С. 1–40; и др.

чение и пригодность крестьянского суда отличаются замечательным разноречием. Крестьянские суды имеют много ревностных защитников и противников»⁵⁴.

Проблемы существовали не только в устройстве местного волостного суда, но и в работе всей системы местного управления, поэтому «вследствие многократных и настоятельных представлений губернских начальств» министерство внутренних дел признало необходимость «всесторонних» и «коренных» изменений в устройстве крестьянских учреждений. К концу 1870-х гг. в стране остро ощущалась необходимость преобразования системы местного управления и суда, которая стала для власти первоочередной задачей. В связи с этим, по инициативе нового министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, в девять губерний были направлены «ревизирующие сенаторы»⁵⁵. Последовало Высочайшее повеление о производстве общих сенаторских ревизий в 9 губерниях империи, причем сенаторам поручалось «убедиться в степени удовлетворительности настоящего устройства крестьянских учреждений и войти в соображение о необходимых в сем отношении мерах, а также обратить вообще внимание на положение общественного управления крестьян»⁵⁶.

Современные исследователи государственного управления Российской империи все чаще обращаются к материалам сенаторских ревизий, которые содержат подробную характеристику губернских властей и местных учреждений⁵⁷. Особый общественный резонанс ревизии вызывали в преддверии грядущих социально-экономических и политических перемен, т.к. служили «информационной основой при подготовке и проведении реформ»⁵⁸.

---

⁵⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 309.

⁵⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 600. Д. 865. Л. 22; Толмачев Е.П. Александр III и его время. М., 2007. С. 243–244; Христофоров И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 212–213.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482в. Л. 219.

⁵⁷ Любичанковский С.В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио. 2005. № 3. С. 125–131; Он же. Практика административного расследования должностных преступлений чиновников в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 10. С. 38–43; Пекшева Л.А. Местное управление в России во второй четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) // Регион: системы, экономика, управление. 2010. Т. 8. № 1. С. 70–73; Савченко Н.А. Исторический опыт осуществления сенаторских ревизий в Российской империи (на примере Курской губернии) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 3. С. 93–97; и др.

⁵⁸ Михалкина Т.А. Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2006. № 10. С. 5.

В 1880–1881 гг. сенаторы ревизовали Саратовскую, Самарскую, Уфимскую, Казанскую, Оренбургскую, Воронежскую, Тамбовскую, Черниговскую и Киевскую губернии. В личных беседах они рассказывали «про все безобразия, которые делаются в провинции»⁵⁹, понимая необходимость коренного переустройства губернских и уездных учреждений, их «приближения» к населению. Каждый сенатор искал объяснения неустроенности местного управления. С.А. Мордвинов, направленный в Воронежскую и Тамбовскую губернии, видел причины общей «неустроенности» не только в «медленности», «равнодушии» и «формальном отношении к делу», но и в пьянстве, «беспорядке и распущенности крестьянского самоуправления». Он негативно отзывался и о должностных лицах крестьянского самоуправления, которые «потеряли в глазах народа всякое доверие»⁶⁰. Подобное мнение высказал А.А. Половцов, объехавший Киевскую и Черниговскую губернии⁶¹.

Серьезные недостатки системе волостного управления выявил ревизор Казанской и Уфимской губерний, сенатор М.Е. Ковалевский, который считал, что ситуацию не могли исправить даже органы контроля за крестьянским самоуправлением – уездные по крестьянским делам присутствия. По мнению Михаила Евграфовича, они «не только не выполнили главной возложенной на них задачи, заключающейся в упрочении крестьянских управлений на началах Положения 19 февраля 1861 г., но оказались вполне несостоятельными даже по таким делам, как надзор за действиями должностных лиц крестьянского управления, проверка приговоров сельских обществ, рассмотрение жалоб на решения волостных судов»⁶².

Ревизор Саратовской и Самарской губерний И.И. Шамшин указывал на «непрочность» земской и судебной реформ, которые могли бы быть «несравненно удачнее, если бы государственные деятели наши были ближе знакомы с местными условиями и обстоятельствами»⁶³. Нежелание правительства свое-

---

⁵⁹ Богданович А.В. Три последних самодержца. М. 1990. С. 68.

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 290. П. 150. Д. 6. Л. 5–6, 12–14, 17 об.

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 290. П. 148. Д. 2. Л. 46–55.

⁶² ОР РГБ. Ф. 290. П. 151. Д. 4. Л. 3.

⁶³ Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца (1880–1883). М., 1927. С. 62, 101.

временно вникать в проблемы пореформенных учреждений вели к их критике и порицанию в общественных кругах. К тому же, при проведении реформ не были «в должной мере приняты во внимание потребности вновь призванного к гражданской жизни крестьянского населения»⁶⁴.

Составляющие местного суда – волостной и мировой суды – также подвергались справедливой критике. Несмотря на то, что деятельность мировых судей С.А. Мордвинов признал «удовлетворительной», но отмечал частые «переделы судебно-мировых участков»⁶⁵, «медленность, нерадение и незнание законов в среде этих лиц». О подобных проблемах мировой юстиции «всеподданнейше» докладывал И.И. Шамшин, но приравнивал мировые и общие суды к «лучшим нашим учреждениям»⁶⁶ и отмечал, что «к справедливости и беспристрастию мирового суда вообще существует доверие и, между прочим, в этом отношении крестьяне нередко отдают ему предпочтение перед волостным судом, в виду меньшего в нем влияния сильных и богатых лиц их среды. Но для большинства населения мировой суд, вследствие его отдаленности, как это видно из сведений, приведенных выше, о размерах мировых участков, недоступен по маловажным и малоценным делам. Большинству населения непонятны наиболее существенные стороны мирового разбирательства, а также его формы и обряды»⁶⁷.

Волостной суд во всех губерниях оценивался сенаторами крайне негативно: находился под влиянием волостного начальства, был «бесконтрольным» и «безапелляционным» институтом, не соответствовал социальным переменам, происходившим в крестьянской среде «под влиянием новых условий их быта»⁶⁸. Некоторые сенаторы связывали ненависть народа к волостному суду с социальными переменами, которые происходили «под влиянием новых условий их быта»⁶⁹. Большинство крестьян не хотели признавать такой «суд» и пытались об-

---

⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 290. П. 151. Д. 7. Л. 1–7.

⁶⁵ НСБ РГИА. Печатная записка № 194. Записки С.А. Мордвинова о земских и мировых учреждениях в Воронежской и Тамбовской губерниях 1881–1885 гг. С. 2.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 290. П. 150. Д. 6. Л. 5–6, 12–14, 17 об.; Там же. П. 151. Д. 7. Л. 1–7.

⁶⁷ НСБ РГИА. Печатная записка. № 188. Записка по вопросам особого наставления ревизующим сенаторам, относящимся к мировым судебным установлениям. С. 45.

⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 290. П. 147. Д. 5. Л. 4 об.; Там же. П. 150. Д. 6. Л. 5 – 6, 12 – 14, 17 об.; РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 9. Л. 203–204.

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 290. П. 147. Д. 5. Л. 4 об.

жаловать его решения, но, к сожалению, не существовало апелляционной инстанции, а при кассации присутствовал формализм⁷⁰.

И.И. Шамшин отмечал, что крестьяне разрешали судебные споры на сельских сходах, «судах стариков», потому что не желали ехать за несколько десятков верст к волостным судьям: «Около двух третей ежегодно разрешаемых волостным судом дел составляют дела жителей того селения, где находится волостное правление, около одной трети приходится на крестьян прочих селений»⁷¹. При рассмотрении решений волостных судов, сенатор обнаружил, что «по совершенно однородным делам в разные периоды времени постановляются разнохарактерные решения», а в некоторых волостях Саратовской губернии решения объявлялись и сразу приводились в исполнение, без предоставления права на их обжалование. Кроме того, обнаружились факты неисполнения решений волостных судов: «Решения суда по денежным взысканиям не исполняются уже более 10 лет! Если теперь начать приводить их в исполнение, то не хватит крестьянского имущества на покрытие всех накопившихся штрафов и взысканий»⁷². Однако ревизор не ставил под сомнение необходимость волостного суда, как наиболее доступного и близкого к населению.

Сенатор А.А. Половцов считал волостную юстицию привилегией, «дарованную исключительно одним крестьянам», которые не смогли ею воспользоваться из-за своей безграмотности, произвола волостных писарей и старшин, вследствие чего «крестьяне избегают своего суда»⁷³. Он изучил решения волостных судей и пришел к однозначному выводу: «Волостной суд не может служить выразителем крестьянских обычаев и взглядов на гражданские и уголовные отношения. Это обстоятельство обнаруживается при самом чтении решений волостных судов, где часто попадаются выражения непонятные для крестьян..., противоречивые решения по однородным делам, перевершение преж-

---

⁷⁰ НСБ РГИА. Печатная записка № 981. Записка члена Государственного совета сенатора Ковалевского, заключающая материалы, касающиеся положения и деятельности крестьянских учреждений по данным, обнаруженным при ревизии губернии Казанской и Уфимской. С. 11.

⁷¹ НСБ РГИА. Записка по вопросам особого наставления ревизовавшим сенаторам, относящимся к крестьянскому делу. Б.м., б.г. С. 151.

⁷² НСБ РГИА. Записка по вопросам особого наставления ревизовавшим сенаторам, относящимся к крестьянскому делу. Б.м., б.г. С. 153.

⁷³ ОР РГБ. Ф. 290. П. 148. Д. 2. Л. 46–55.

них решений, присуждение по искам большей суммы, нежели та, о которой ходатайствовал истец, указывающие не на господство на суде крестьянских обычаев, но на влияние посторонних крестьянской среде лиц»⁷⁴.

Уже в начале 1880-х гг. сенаторы понимали необходимость корректировки организационных структур пореформенных судебных учреждений: «Дабы судебное дело не пришло в упадок, необходимо, не ожидая жалоб на состояние судебных учреждений, принять своевременно, с сохранением основных начал нового судоустройства, меры к устранению в нем недостатков, которые не могли быть предусмотрены при издании закона и которые указаны теперь опытом»⁷⁵.

Сенаторы видели необходимость в доступном, скором и дешевом местном суде, в котором усиливалось единоначалие судоустройства и создавалась четкая, понятная населению иерархичная система. Ревизоры признавали необходимость специального суда для крестьян, но отмечали, что «действующий закон не только поставил волостной суд вне всякой связи с какими-либо другими судебными учреждениями, но и не подчинил его никакому контролю»⁷⁶. По итогам ревизии сенаторы выступили за подчинение волостного суда мировому: «Неудовлетворительное состояние правосудия в волостных судах, в особенности по делам гражданским, требует установления над ними апелляционной инстанции. Единственным компетентным для сего учреждением является мировой судья»⁷⁷.

Таким образом, сенаторские ревизии представили «подробную картину местной неурядицы, многоначалие, при отсутствии действительной власти, разъединение действий, неопределенность предметов ведения, формальное отношение большинства местных органов к своему делу и неудовлетворение в достаточной мере самых насущных потребностей населения»⁷⁸.

На обширных провинциальных материалах ревизоры единогласно предложили объединение волостной и мировой юстиции во взаимосвязанный местный

---

⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 290. П. 148. Д. 3. Л. 36 об.

⁷⁵ ОР РГБ. Ф. 290. П. 151. Д. 7. Л. 1–7.

⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 290. П. 147. Д. 5. Л. 4 об.

⁷⁷ НСБ РГИА. Печатная записка. № 188. Записка по вопросам особого наставления ревизующим сенаторам, относящимся к мировым судебным установлениям. С. 78–79; ОР РГБ. Ф. 290. П. 150. Д. 6. Л. 5–6, 12–14, 17 об.

⁷⁸ НСБ РГИА. Печатная записка № 144. Журнал заседаний комиссии М.С. Каханова № 4 от 5, 9, 13, 16, 20, 23, 27, 30 октября 1884 г. С. 4.

суд с удобной системой апелляционного и кассационного обжалования приговоров. Первоначально сохранить использование обычаев при крестьянских судебных спорах. В дальнейшем предполагалось постепенное внедрение позитивного права. Подобные меры помогли бы снизить влияние волостной администрации, наладить тесное взаимодействие между мировым и волостным судами, изучить и сопоставить крестьянское обычное право и фиксированное законодательство.

4 сентября 1881 г. после серии сенаторских ревизий губерний Российской империи, вызвавших широкий общественный резонанс⁷⁹, была создана Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством члена Государственного Совета М.С. Каханова⁸⁰, направленная на содействие «правительству к разрешению сложной задачи преобразования губернского управления с достижением желательного объединения действий всех административных учреждений и присутствий, сокращению стесняющих формальностей, усилению разрешающей на месте власти к надлежащему обеспечению в сохранении и ограждении государственного и общественного порядка»⁸¹. В рамках ее работы рассматривались выводы сенаторов, собирались сведения от земств, мировых судей, предводителей дворянства и т. д.

В 1882–1883 гг. в эту комиссию поступали предложения из разных земств Российской империи о необходимости контроля над волостными судьями со стороны мировых судей, ведь «такое вмешательство мирового судьи будет иметь на волостных судей не только цивилизующее влияние, но и уничтожит влияние волостных писарей и заставит и самые волостные суды осмотрительнее, справедливее решать дела»⁸².

Земские предложения новой объединенной структуры местного суда отвечали потребностям трансформации аграрного в индустриальное общество. Постепенное включение волостных судей в судебную систему страны, действовавшую на нормах позитивного права, позволяло повсеместно утвердить общее законода-

---

⁷⁹ Попп И.А. Местный суд в Российской империи (по материалам сенаторских ревизий начала 1880-х гг.) // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. Ч. II. С. 511–518.

⁸⁰ Материалы по преобразованию местного управления в губерниях. СПб., 1884. Т. 3. С. 1–3.

⁸¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 83. Л. 210–215.

⁸² НСБ РГИА. Печатная записка № 158. С. 305

тельство, повысить уровень правосознания населения. Подобные действия были необходимы в условиях эмансипации крестьянства, разрушения крестьянской общины и развития капитализма в России. Однако к середине 1880-х гг. о работе кахановской комиссии постепенно забыли. Власть взяла курс на укрепление общинного строя, в рамках которого волостной суд занимал особое место.

Плачевное положение в низших судебных учреждениях прекрасно осознавали ведущие юристы страны, обосновывая необходимость срочного преобразования местного судостроительства тем, что отсутствие «хорошего» суда вредно отзывалось на общественном благосостоянии: «Положение становится невыносимее с каждым годом, по мере усложнения экономических и юридических отношений в деревне»⁸³.

Таким образом, несмотря на выборность и независимость волостного местного суда 1860–1880-х гг., выявлялись проблемы, отдалявшие его от населения: сильное влияние волостных старшин на судопроизводство, низкий уровень грамотности судей и их зависимость от волостных писарей, медленность и формализм кассационных инстанций. Естественно, современники негативно воспринимали волостной суд и подвергали его деятельность перманентной критике.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем суть споров историков о волостном суде и почему существовал российский «правовой плюрализм»?
2. Назовите основные доводы критиков и защитников волостной юстиции?
3. Как соприкасались волостные суды с системой общих судебных учреждений Российской империи?
4. Какое максимальное наказание мог понести крестьянин за мелкую кражу, если его судили в мировом или в волостном суде?

---

⁸³ Языков А.И. О преобразовании волостного суда. Доклад действительного члена юридического общества при Императорском СПб. Ун-те в заседании Административного отделения общества 12 января 1885 г. СПб., 1886. С. 3.

5. Какие предложения по поводу волостной юстиции озвучили сенаторы, проводившие ревизии российских губерний в начале 1870-х и 1880-х гг.?
6. Чем отличались общинные суды «стариков» от волостного суда?
7. Для какого сословия работал волостной суд?

§ 1.2. Проекты губернаторов по преобразованию выборного волостного суда

Сразу после создания волостных судов в российском обществе возникли острые дискуссии по поводу деятельности и будущего развития этого института. Уже в начале 1860-х гг. появились публикации, в которых авторы негативно отзывались о волостной юстиции. Они справедливо указывали на то, что крестьянский суд не подконтролен ни общим судебным, ни административным учреждениям, поэтому иногда «творит» самый «беспощадный и безжалостный произвол», причем невозможно не только опротестовать судебные приговоры, но даже их приостановить. Исследователи подчеркивали, что сами крестьяне не признавали «канцелярский» волостной суд, который у них никогда не существовал, а был образован также как и административно-территориальные единицы – волости – искусственным способом «из разнородных элементов». К тому же, решениями неграмотных судей-мужиков управляли волостные старосты и писари, а крестьяне не умели грамотно распоряжаться «дарованным» им избирательным правом, поэтому выбирали в судьи самых «худших» из крестьян⁸⁴. Защитники волостного суда, наоборот, отмечали его положительные стороны: близость суда к населению, простое и неформальное решение огромного количества мелких судебных дел на основе обычного права. Они надеялись на постепенное самосовершенствование крестьянского судебного института⁸⁵.

О деятельности волостных судей писали мировые посредники, мировые судьи, прокуроры судебных палат, – все, кто на практике постоянно сталкивался с решениями неграмотных крестьянских судей. Так, в 1868 г. прокурор Московской судебной палаты с возмущением писал, что местные обычаи, активно использовавшиеся волостными судами при рассмотрении проступков крестьян, «теряют здесь всякое значение, ибо нигде нет, да и быть не может такого обы-

---

⁸⁴ Марков К. Из деревни. СПб., 1862. С. 1–10; Лунгин С.Ф. Волостные суды // Русский вестник. 1864. № 3. Т. 50. С. 383–397; Домашняя летопись // Русское слово. 1864. № 6. С. 101–120; и др.

⁸⁵ Геннади Г. Кое-что о волостных судах // День. 1862. № 20. С. 14–15; Воронов Ф.Ф. Сорок лет тому назад // Вестник Европы. 1904. № 7. Кн. 7. С. 6. Пестржецкий А. О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости // Журнал Министерства юстиции, 1861. Т. IX. С. 3–30; и др.

чая, чтобы, например, драться, буйствовать и красть было терпимо». Подобные отзывы публиковались во второй половине 1860-х гг. в специальных сводах замечаний о применении на практике Судебных уставов с заголовками: «Неудовлетворительность отдельных крестьянских судов» или «Необходимые преобразования во взаимных отношениях волостных и мировых судов». Основные выводы сводились к необходимости объединения крестьянской юстиции и судебно-мировых учреждений⁸⁶.

В 1870 – 1880-х гг. в Российской империи произошло осознание необходимости преобразования волостной юстиции, поэтому на повестке дня стоял один из важнейших вопросов: «Нужно ли сохранить волостные суды?»⁸⁷. Даже апологеты волостной юстиции признавали проблемы в организационных аспектах волостного суда и жаловались, что их оппоненты «решили сплеча, что суд этот никуда не годится, что учреждение это следует вырезать с корнем из народной жизни, вместо того, чтоб постараться об изменении его на более разумных началах, с сохранением в нем того, что в нем бесспорно есть хорошего, с устранением того, что оказалось в практике неудобным, и не достигающим своей цели»⁸⁸.

Общественность пореформенной России не только критиковала или защищала волостных судей, указывая на их достоинства и недостатки, но и предлагала более или менее радикальные проекты преобразования местных судебных учреждений⁸⁹. Один из современников подтвердил, что «крестьянский суд давно уже обращает на себя внимание правительства и общества. Существует по этому предмету весьма обширная литература, но высказываемые в ней взгляды на зна-

---

⁸⁶ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 290. П. 29. Д. 1. Л. 5–13; РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 50–55.

⁸⁷ Нужно ли сохранить волостные суды? М., 1873. 35 с.

⁸⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 28 сентября (10 октября) 1872. № 266. С. 1.

⁸⁹ По вопросу о преобразовании волостных судов // Отечественные записки. 1873. № 1. С. 85–92; Зарудный М. Неразрешенный еще вопрос русской общественной жизни (крестьянский суд) // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. № 5–6. С. 172–196; Галкин-Враский Н. Об уездном самоуправлении // Юридический вестник. 1881. № 3. С. 506–523; Дашкевич Г.А. О волостном суде и его реформе (из наблюдений над крестьянским самоуправлением). Вильна, 1885. 104 с.; Языков А.И. О преобразовании волостного суда. Доклад действительного члена юридического общества при Императорском СПб. Ун-те в заседании Административного отделения общества 12 января 1885 г. СПб., 1886. С. 1–40; и др.

чение и пригодность крестьянского суда отличаются замечательным разноречием. Крестьянские суды имеют много ревностных защитников и противников»⁹⁰.

В этой связи научный интерес представляют проекты преобразования волостного суда тридцати губернаторов, чьи взгляды в основном отражали весь спектр мнений российской общественности по совершенствованию волостной юстиции. В рамках работы Особой комиссии для составления проектов местного управления в июне 1883 г. министр внутренних дел Д.А. Толстой направил губернаторам секретный циркуляр № 529 «О доставлении соображений и заключений по вопросам, касающимся предположений об изменении в местных учреждениях»⁹¹. Седьмой вопрос этого документа был посвящен волостному суду: «Каким изменениям должны быть подвергнуты существующие крестьянские суды, нужна ли для них высшая кассационная или ревизионная инстанция, и какая именно?»⁹². Советские и современные историки опирались на этот важный источник при изучении преобразований в системе местного управления начала 1880-х гг.⁹³, однако не проводили скрупулезного исследования проблем крестьянской юстиции.

В декабре 1883 – январе 1884 гг. из разных российских губерний пришли ответы министру внутренних дел, что повышает ценность этих хронологически близких исторических источников. Хозяева губерний отмечали, что «вопрос о суде один из самых щекотливых, а потому при решении его необходимы крайняя осторожность»⁹⁴, правильно организованный суд «приобретает громадное воспитательное влияние и уважение к себе, развивая в среде народа понятия законности и сознание своих человеческих прав»⁹⁵. Планы были развернутыми с конкретными предложениями по изменению не только организационной основы судостроительства, но и всей системы местного управления. Формально проекты можно разделить на две основные группы: 1) обосновывавшие необходи-

---

⁹⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 309.

⁹¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–32.

⁹² РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.

⁹³ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 8–234; Христофоров И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 292–350.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 550 об.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 25 об.

мость несущественных нововведений в организационной структуре волостной юстиции; 2) требовавшие полного пересмотра основ волостного суда, вплоть до его ликвидации. Причем все учитывали применение крестьянами обычного права, поэтому в большинстве проектов предлагалось создание обновленных крестьянских судов с учетом традиционных правовых норм.

Итак, к первой группе можно отнести проекты *новгородского, саратовского, уфимского, харьковского, херсонского, ярославского, симбирского и тверского* губернаторов, причем только последний из них положительно отозвался о деятельности волостного суда: «25-летняя практика показала, что волостные суды не только полезны, но и необходимы». По его мнению, крестьяне охотно обращались к волостным судам, где на «знакомом языке» и с учетом обычаев выносились решения, понятные крестьянам. Он же рекомендовал создать из волостных судей апелляционную инстанцию под председательством лица, утверждаемого правительством, которому предоставлялось право ревизии судопроизводства волостных судей⁹⁶. Те же принципы отстаивал *симбирский* губернатор, предложивший объединить судебную и административную власти на уровне волости, назначив волостных старшин председателями судов. Для надзора за новыми судебно-административными учреждениями были необходимы специальные начальники, которые могли бы приостанавливать и отменять решения волостных судов⁹⁷. В этих проектах просматривался курс на лишение волостного суда самостоятельности, его подчинение административной власти.

Остальные начальники губерний высказались за сохранение крестьянских судов, но скрупулезно описали их проблемы, отмечали «слабости», «несообразности», «неясности», «промахи» волостного суда, вызванные «общим развитием деревни» и неграмотностью судей, зависимых от полуграмотных волостных писарей и влиятельных волостных старшин. При этом никто из них не ставил под сомнение существование в крестьянской среде особого обычного права, заметно отличавшегося от общего законодательства Российской империи.

---

⁹⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 181–183.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 308–309.

В результате эти апологеты волостной юстиции отстаивали фундаментальное положение о невозможности апелляционных обжалований на решения волостных судей в общих судебных учреждениях, которые рассматривали уголовные и гражданские дела на основе «позитивного» права и не понимали крестьянских обычаев. Настороженно губернаторы относились и к отменам решений (т.е. кассационным обжалованиям) волостных судей, однако признавали их при строгом определении случаев, «когда решения волостных судов должны считаться незаконными и подлежать отмене». Кроме того, для улучшения деятельности волостного суда предлагалось: 1) разграничить подсудность между волостными и мировыми судами с помощью издания сельского судебного устава; 2) присвоить особый знак волостным судьям и назначить им жалование для привлечения к деятельности грамотных крестьян; 3) расширить сферу подсудности волостному суду в крестьянских имущественных спорах до 500 рублей; 4) законодательно признать «суды стариков» в каждой крестьянской общине и подчинить их волостным судам⁹⁸.

Таким образом, эти администраторы предлагали проекты реформирования волостного суда, направленные на закрепление сословного судопроизводства, основанного на обычном праве, сохранение status quo не только в системе низших судебных учреждений, но и в общинном землевладении, как основном фундаменте развития государства. Эти предложения соответствовали консервативным взглядам представителей высшей административной власти, видевших в сохранении традиционного крестьянского элемента главную опору «против пробудившихся в высших классах стремлений, так называемого, конституционального свойства, то есть стремлений к известной доле участия в политической жизни страны»⁹⁹.

Вторую группу планов представили *казанский, олонецкий, орловский, черниговский, вологодский, вятский, калужский, нижегородский, пензенский, пермский, Санкт-Петербургский, таврический, тамбовский, самарский, бесса-*

⁹⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 438 об. – 440 об.; Там же. Д. 13. Л. 550 об. – 560 об.; Там же. Д. 14. Л. 245, 309–315 об., 386–387 об.; Там же. Д. 15. Л. 243–243 об.

⁹⁹ Валуев П.А. Дневник 1877 – 1884 гг. / под ред. В.Я. Яковлева-Богучарского и П.Е. Щеголева. Пг., 1919. С. 190.

рабский, владимирский, екатеринославский, костромской, курский, полтавский, смоленский и тульский губернаторы. Они поддержали меры по ревизии организационных основ крестьянских судов, подвергнув их более серьезной и обстоятельной критике: «неудовлетворительность» и «несостоятельность» суда, «пьяные оргии», «лицеприятия», «подкупы», «произвол», «безобразия» «неразвитых» волостных, – вот далеко неполный перечень эпитетов, представленных в характеристиках волостной юстиции.

Первые четыре губернатора представили проекты, направленные на исправление проблем в низших судебных учреждениях, сохранение и закрепление основ общинного хозяйства, более широкое и эффективное применение норм обычного права. Главное предложение заключалось в ликвидации «формального» волостного суда, находившегося, по их мнению, под «опекой» волостных писарей и старшин. Предполагалось законодательно закрепить судебные функции за «сельскими судами» (крестьянскими сельскими сходами, «судами стариков»). Эти неформализованные, наиболее приближенные к крестьянам, институты «творили» бы справедливый и непредвзятый суд. Второй инстанцией должны были стать либо мировые суды, либо съезды представителей от каждой общины¹⁰⁰. К сожалению, в этих проектах не объяснялось, каким образом можно в апелляционном или кассационном порядках проконтролировать огромное количество судов, которых, в случае реализации подобных планов, даже в одной Пермской губернии насчитывалось бы более 3000?!¹⁰¹

Вологодский, вятский, калужский, нижегородский, пензенский, пермский, Санкт-Петербургский, таврический, тамбовский и самарский начальники губерний также признавали существование норм обычного права в крестьянской среде, однако в отличие от предыдущих коллег они выдвинули основное условие сохранения волостного суда: введение действенной системы апелляционных и кассационных обжалований судебных решений, причем признавали не-

---

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 162–162 об.; Там же. Д. 13. Л. 129–138, 294; Там же. Д. 15. Л. 38 об. – 39.

¹⁰¹ В 1880-х гг. в Пермской губернии насчитывалось более 3000 сельских обществ, исходя из проектов, каждое общество должно было иметь свой «суд стариков», следовательно, – 3000 судов. Подсчитано автором: ОР РГБ. Ф. 290. П. 64. Д. 4. Л. 50–62.

обходимым для создания «живой связи» судебных учреждений поставить волостных судей в той или иной мере под контроль мировой юстиции.

Для сохранения возможности применения норм обычного права в волостном судопроизводстве предлагалось либо назначать мировых судей председателями будущих съездов волостных судей с правом совещательного голоса, либо вызывать волостных к мировым судьям при рассмотрении апелляционных жалоб, либо позволить съездам мировых судей отменять незаконные решения, либо просто обязать мировых судей ревизовать волостную юстицию. По мнению санкт-петербургского губернатора, в таком случае «следует ожидать, что население, скорее всего, ознакомится с существующими законами и приобретет уважение к существующим правам и обязанностям»¹⁰².

Впервые об объединении волостного и мирового судов рассуждали в правительственных кругах еще при подготовке судебной реформы 1864 г. Так, вопрос о взаимодействии двух выборных судебных учреждений возник в апреле 1862 г. в Государственном Совете при рассмотрении «Основных начал преобразования судопроизводства и судоустройства» Российской империи, а подробно рассматривался в Особой комиссии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части. В итоге 15 членов комиссии предложили предоставить право тяжущимся самостоятельно выбирать суд для ведения гражданских исков: «Вследствие сего, волостные суды, где они действуют хорошо, будут удовлетворять потребностям населения, где же они действуют дурно, там тяжущиеся будут обращаться большей частью к мировым судьям». Такое «мягкое» предложение не было поддержано большинством комиссии, поэтому на этапе подготовки Судебных уставов не удалось «установить правильную связь между этим важнейшим учреждением (*волостным судом - автор*) и всей судебной организацией империи»¹⁰³.

---

¹⁰² РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 39 об. – 43 об., 101 – 102 об., 193, 398 об. – 400, 416 – 417 об.; Там же. Д. 13. Л. 320 об. – 321, 367 об. – 371 об., 453 – 455; Там же. Д. 14. Л. 50 – 54, 126 – 126 об.; Там же. Д. 15. Л. 6.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 247 – 252 об.; Записка Государственного секретаря В. Буткова от 24 декабря 1863 г. О работе комиссии по преобразованию судебной части. Печатная записка Научно-справочной библиотеки Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА) № 645. Л. 1 – 14; ОР РГБ. Ф. 290. П. 22. Д. 2. Л. 19 об. – 27 об.

На протяжении 1860–1880-х гг. мнение об объединении волостной и мировой юстиций постоянно озвучивалось в общественных и правительственных кругах и вполне отвечало не только основополагающим принципам судебной реформы 1864 г., но и потребностям всех сословий, проживавших в сельской местности, в едином и структурированном местном суде с понятными законодательными нормами, апелляционными и кассационными инстанциями. В целом, Судебные уставы 1864 г. отделили мировой суд от общих судебных учреждений, приблизив его к населению и введя единоличную власть судьи, не требовавшую ни специального юридического образования, ни сложного формального судопроизводства¹⁰⁴. При этом, при обсуждении проекта Устава гражданского судопроизводства большинство Особой комиссии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части разрешило мировым судьям применять обычное право в судопроизводстве¹⁰⁵, что стало веским аргументом защитников объединения волостного и мирового судов.

Уже в начале 1880-х гг. население и представители власти ощущали потребность в преобразовании всей системы волостного управления: превращения его из узкосословного крестьянского – во всесословное. Так, член Государственного Совета, сенатор М. Ковалевский, ревизовавший отдаленные от центра Казанскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии, писал: «Уступая требованиям современной жизни, волость все более и более утрачивает характер сословного крестьянского учреждения и, служа нуждам всех лиц, проживающих в пределах волости, тем самым вызывает необходимость коренного преобразования»¹⁰⁶. Естественно, такая волость требовала всесословного местного суда, создание которого поддерживала и стратегически мыслящая часть общества, осознававшая необходимость единого, «скорого» и «близкого» к населению местного суда в условиях быстрого становления капитализма и модернизации социально-экономической сферы Российской империи.

---

¹⁰⁴ ОР РГБ. Ф. 290. П. 46. Д. 6. Л. 2 – 2 об.

¹⁰⁵ Там же. П. 22. Д. 2. Л. 38 об. – 44.

¹⁰⁶ Там же. П. 151. Д. 4. Л. 2 об.

Остальная часть губернаторов второй группы проектов предложила создать местный суд для всех сословий, совершенно ликвидировать волостных судей, передав их дела либо в судебно-мировой институт, либо в иное всесословное судебное учреждение. Однако среди них не было единого мнения по вопросу применения обычного права в обновленном суде¹⁰⁷. Наиболее проработанным был проект *владимирского губернатора*, который обосновал проблемы не только волостных, но мировых судов (высокий имущественный ценз для кандидатов в мировые судьи, влияние на них земских и административных учреждений, огромные по площади участки и др.¹⁰⁸) и предложил создать «волостной мировой коллегияльный суд», который был бы «близок для каждого сельского обывателя, дешев и, по простоте своих процессуальных форм, доступным каждому темному крестьянину».

Этот проект предполагал объединение нескольких волостей в один судебный округ, в каждом из которых открывался всесословный судебный институт, состоявший из председателя и нескольких членов. Съезд председателей этих судов мог обжаловать несправедливые решения. Представители обновленного судебного учреждения должны были избираться в земских собраниях и волостных сходах, иметь образовательный ценз, служить не менее 6 лет, получать зарплату за свой труд и разбирать все мелкие гражданские и уголовные дела. При такой организации суда «в состав его неминуемо вошли бы разнородные по образованию и сословиям элементы», происходило бы взаимовлияние обычного и позитивного права. На основе деятельности этих судов в ближайшем будущем можно было подготовить обновленные уставы уголовного и гражданского судопроизводства, с учетом крестьянского традиционного права.

По мнению председателя Особой комиссии по составлению проектов местного управления, члена Государственного Совета М.С. Каханова все представленные в министерство внутренних дел проекты служили «весьма полез-

---

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 334, 364 об. – 365 об.; Там же. Д. 13. Л. 426 об.; Там же. Д. 14. Л. 9 - 9 об., 222 об. – 223; Там же. Д. 15. Л. 102 об. – 108 об., 191 об. – 192, 285 об. – 286.

¹⁰⁸ См. Попп И.А. Мировой суд в Пермской губернии (сер. «Очерки истории Урала») / под ред. Э.А. Черноухова. Екатеринбург, 2011. С. 248–261.

ным подспорьем при рассмотрении вопросов о местном управлении»¹⁰⁹. В январе 1885 г. на заключительных совещаниях Особой комиссии был утвержден окончательный проект обновленного волостного суда, включавший следующие основные положения: 1) вводилась апелляционная инстанция под председательством мирового судьи; 2) отменой решений волостных судов занимались только съезды мировых судей, им же поручался надзор, ревизия и привлечение к ответственности судей; 3) расширялся круг подведомственных волостной юстиции гражданских дел; 4) подсудность волостному суду распространялась на лиц, проживавших в пределах волости, но не принадлежавших к крестьянскому сословию (кроме привилегированных сословий)¹¹⁰.

Таким образом, кахановская комиссия поддержала губернаторов, которые выступали за объединение волостной и мировой юстиции. Этот стратегически верный подход в наибольшей степени соответствовал требованиям развития социально-экономической системы страны, подталкивал к постепенному становлению не только независимого, всесословного, единого, близкого местного суда, но и трансформации всей правовой системы. Реализация предложенного плана позволяла в ближайшем будущем сосредоточить внимание на изучении народных обычно-правовых норм, выбрать наиболее адекватные и внедрить их в обновленные судебные уставы. Динамичное совершенствование правовой системы на уровне низших судебных учреждений создало бы твердую базу для дальнейшего развития имущественных и товарно-денежных отношений в крестьянской среде. К сожалению, проекты кахановской комиссии остались на бумаге, а самодержавие взяло курс на ликвидацию мировой юстиции и усиление волостного суда под полнейшим контролем представителей административной власти – земских начальников, закон о которых был опубликован в 1889 г. Местный суд так и не стал всесословным, единым, независимым и близким населению.

---

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 412.

¹¹⁰ ОР РГБ. Ф. 290. П. 62. Д. 1. Л. 7 – 7 об.; Журнал Высочайше учрежденной Особой комиссии для составления проектов местного управления № 7. Печатная записка НСБ РГИА № 144. Л. 1 – 15 об.

Вопросы для самоконтроля:

1. Кому подчинялись волостные судьи?
2. Почему губернаторы выступали за преобразование волостного суда?
3. На какие основные группы можно формально разделить проекты губернаторов о преобразовании волостного суда?
4. Какие «слабости», «несообразности», «неясности», «промахи» волостного суда описывали губернаторы?
5. Почему многие губернаторы считали необходимым ужесточение контроля за волостным судом?

Глава 2. Из практики волостного суда...

§ 2.1. Лихоимство, мздоимство, пьянство и превышение власти крестьянскими судьями: к вопросу наказания и реформирования волостной юстиции

В связи с постоянной критикой волостного суда ощущалась необходимость со стороны министерств и ведомств Российской империи кардинально улучшить деятельность крестьянского суда, проанализировать сложившуюся ситуацию и вовремя внести коррективы в развитие институтов, охватывавших 90% населения страны. Так, ровно 140 лет назад в газетах «Русский мир» и «Современные известия» была напечатана заметка «Волостной суд с истязанием», в которой описывался печальный инцидент, случившийся в волостном правлении села Екатериненштадта Самарской губернии (ныне г. Маркс Саратовской области), вызвавшая большой резонанс не только среди общественности, но и в правительственных кругах.

Неизвестный корреспондент обрисовал сцену, напоминавшую «времена пыток»: некий крестьянин К. был прикован одной ногой за железную цепь, длиной сажени в две, прикрепленной одним концом к большому, тяжеловесному стулу. Автор заметки поинтересовался у арестанта о причине подобного казуса, на что получил спокойный ответ: «Поссорился со старостой в кабаке, больше ничего». Жена прикованного ходила возле правления и плакала, но помочь ее горю могли только представители волостного правления, которые в тот момент отсутствовали на месте. На следующий день в правлении собрался волостной суд для разбора дела крестьянина К., при этом присутствовали староста-истец, волостной старшина, сельский писарь, волостные судьи и, конечно, крестьянин-ответчик. Речь начал староста с обращения к сельскому писарю за разъяснением «кары закона». Писарь, недолго думая, назначил денежный штраф, но только после этого возбудил прения между судьями. Наконец, староста громогласно сказал: «Отдай 3 рубля штрафу за оскорбление и непослуша-

ние в кабаке», а волостной старшина «потребовал еще 5 рублей за изорванный К. журнал волостного писаря во время нахождения на цепи в правлении». Завершился процесс общей пьянкой за счет ответчика К.¹¹¹

Эта заметка из российской глубинки обращала внимание читателей на повсеместное нарушение закона в рамках крестьянского самоуправления. По Высочайше утвержденному Общему Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года, сельскому старосте разрешалось за «маловажные проступки» односельчан назначать внесудебное наказание в виде общественных работ до двух дней, либо денежный штраф в пользу мирских сумм до одного рубля, или арест до двух дней¹¹².

Следовательно, закон не позволял старостам применять заковывание в качестве наказания. Кроме того, по тому же законодательству волостные судьи – это самостоятельные субъекты, а волостные старшины, сельские старосты и писари не имели права вмешиваться в разбирательство дел¹¹³. При рассмотрении «тяжебного» дела волостной суд должен был склонять спорящие стороны к примирению, если же истцы и ответчики не приходили к мировым сделкам, то только тогда судьи выносили решение «на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту». За маловажные проступки крестьяне приговаривались к следующим видам наказаний на выбор волостных судей: общественные работы – до 6 дней, денежное взыскание – до 3 рублей, арест – до 7 дней, телесное наказание – до 20 ударов розгами¹¹⁴. Таким образом, крестьянина К. не только незаконно посадили на цепь, но и судили совершенно несправедливым судом, нарушавшим основные правила волостной юстиции.

Заметка о волостном суде с «истязаниями» заинтересовала министра внутренних дел А.Е. Тимашева. В самые кратчайшие сроки в Самарскую губернию были направлены соответствующие запросы о екатериненштадском инциденте, а уже 11 мая 1877 года самарский начальник губернии П.А. Бильбасов сообщал

¹¹¹ Внутренняя почта. С. Екатериноштадт (Никола. уезда, Самар. губ) // Русский мир. Газета политическая, экономическая и литературная. 1877. № 68. Суббота, 12 (24) марта. С. 2; Внутренние известия. Екатериненштадт, Самарской губернии (Волостной суд с истязанием) // Современные известия. 14 марта 1877 г. № 71. С. 2.

¹¹² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2). Т. 36. ч. 1. № 36657. ст. 64. С. 151.

¹¹³ Там же. Ст. 104. С. 157.

¹¹⁴ ПСЗ-2. Т. 36. Ч. 1. № 36657. Ст. 102. 107. С. 157.

в Санкт-Петербург, что пострадавшего крестьянина звали Потап Курамшин, а случай произошел в январе 1876 года в березниковском волостном правлении Саратовской губернии. В Екатериненштадт переехал лишь автор статьи А. Потапов – бывший писарь вышеозначенной волости¹¹⁵.

Естественно, министерство внутренних дел все вопросы переадресовало саратовскому губернатору М.Н. Галкину-Враскому, который в июле 1877 года отчитывался перед А.Е. Тимашевым, что подтвердился факт существования в безерниковском волостном правлении «исправительной» цепи в период работы прежнего сельского старосты, «согласно чему произведенное исправником дознание передано товарищу прокурора саратовского окружного суда по Вольскому уезду для дальнейшего направления дела в установленном порядке»¹¹⁶. Примечательно, что с этого момента вся делопроизводственная переписка была посвящена только расследованию проблемы приковывания к цепи крестьянина П. Курамшина и совершенно не учитывала грубые нарушения судопроизводства в этом волостном суде.

8 октября 1877 года резонансное дело было заслушано на заседании вольского уездного по крестьянским делам присутствия, рассматривавшего по закону «злоупотребления» должностных лиц крестьянского самоуправления¹¹⁷. Члены присутствия услышали следующую историю: потерпевший Курамшин вместе с местным старостой Кочетковым присутствовали на свадьбе мещанина Шолохова, откуда староста отправил под арест Курамшина за пьяный дебош. Многочисленные очевидцы отказались подтвердить «истязание» пьяного крестьянина, но на дознании рассыльный Машин сознался, что слышал звон цепи, когда потерпевшего отвели в волостное правление. При этом свидетель добавил, что ранее в волости существовал чурбан с цепью для виновных за проступки и неуплату податей. Этот факт подтвердили еще несколько крестьян, которых в предыдущие годы «сажали» на цепь за недоимки. Курамшин не отвечал прямо на вопросы, говоря,

---

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1877 г. Д. 62. Л. 1 – 1 об.

¹¹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1877 г. Д. 62. Л. 7 – 7 об.

¹¹⁷ ПСЗ-2. Т. 36. Ч. 1. № 36657. Ст. 122. С. 159; Там же. Т. 49. Ч.1. № 53678. Ст. 1. С. 929.

что «ни на кого не претендует» и «ничего не помнит». Ему представлялось все как во сне, но будто бы «слышался вблизи звон цепи»¹¹⁸.

Члены уездного по крестьянским делам присутствия пришли к выводу, что в селе Березники действительно до последнего времени существовал стул с цепью, которым старосты пользовались как дисциплинарным средством против буйства и пьянства, а иногда неправильно применяли его и к неплательщикам податей, но «эта мера, в настоящее время уже оставленная и державшаяся издавна в силу обычая, заменяла собой, за отсутствием соответствующего помещения, арест, к которому старосты имеют право подвергать за маловажные проступки подведомственных им крестьян». В виду изложенного присутствие не нашло никакого основания к возбуждению уголовного преследования должностных лиц крестьянского самоуправления села Березники¹¹⁹.

Такое мягкое постановление уездного присутствия не устроило министра внутренних дел, который потребовал не только разобрать еще раз дело Курамшина в саратовском губернском по крестьянским делам присутствии, но и взять от членов вольского уездного по крестьянским делам присутствия объяснительные, как они допустили «в настоящее время употребление сельскими властями таких противозаконных действий, так и о непринятии против этого надлежащих мер?»¹²⁰.

Все члены уездного присутствия написали в объяснительных, что ранее «даже слухов о цепи никогда не доходило», «нигде более в Вольском уезде о существовании подобного наказания никто даже и не подозревал», «не слышали жалоб на приковывание к стулу». Самое емкое объяснение было получено от бывшего мирового судьи, а затем – непрямого члена вольского уездного присутствия Кострицына, который ссылаясь на то обстоятельство, что исправник при дознании обнаружил «еще только два случая сажания на стул с цепью в течение нескольких предшествующих лет. На эти исключительные случаи применения стула крестьяне, как он убедился личными расспросами, смотрели

---

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1877 г. Д. 62. Л. 11 – 12.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1877 г. Д. 62. Л. 12 об.

¹²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1877 г. Д. 62. Л. 15 об.

совершенно простодушно, заставляет думать, что во время прежнего управления государственными крестьянами, наказание это было настолько обыкновенно, что в применении его нельзя видеть преступления, возводимого прокурорской властью»¹²¹.

После таких откровенных заявлений члены губернского по крестьянским делам присутствия риторически отметили, что о существовании такой дисциплинарной меры взыскания в селе Березники никому не было известно, а «само применение этой меры наказания было уже оставлено, да и была ли такая в действительности применена к крестьянину Курамшину, дознанием не выяснилось». В итоге пришли к единогласному мнению, «что представленные господами членами объяснения и самые обстоятельства дела вполне разъясняют совершенную неизвестность существования стула и цепи как орудий, постоянно употреблявшихся с указанной целью за время их служения в настоящих должностях. Губернское присутствие, в виду вполне выяснившихся обстоятельств сего дела, не находит достаточных причин к привлечению в какой бы то ни было форме к ответственности как лиц сельского управления, так и вообще входивших в состав уездного по крестьянским делам присутствия по Вольскому уезду»¹²².

Новый министр внутренних дел Л.С. Маков учел круговую поруку и единодушие уездных и губернских властей Саратовской губернии и, вероятно, чтобы замять это щекотливое дело признал законным постановление губернского по крестьянским делам присутствия. Вместе с тем в письме министра саратовскому губернатору от 6 апреля 1879 года отмечалось, что на уездные присутствия возложен надзор за ходом крестьянского управления и «доказанное существование в селе Березники до последнего времени такого наказания, как приковывание к цепи, без ведома членов уездного присутствия, указывает на недостаточно ревностное исполнение ими служебных обязанностей». В заключение Лев Саввич мягко попросил губернатора «поставить это на вид членам вольского уездного по крестьянским делам присутствия» и предупредить их,

---

¹²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1877 г. Д. 62. Л. 19 – 20.

¹²² РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1877 г. Д. 62. Л. 22 – 22 об.

«чтобы на будущее время неудобных случаев не повторялось»¹²³. Инцидент был исчерпан, никто из сельских, волостных, уездных или губернских начальников не пострадал, а о газетной заметке вскоре все забыли.

Подобные рассказы часто встречались на страницах газет и журналов Российской империи. В одном из селений Пермской губернии часто пропадали коровы. Сначала думали на волков, но «судьба помогла им очиститься от возводимой на них напраслины», т.к. поймали крестьянина Логинова, который «свежевал» чью-то корову, но виновник объяснил, что сам коров не крал, а покупал их уже украденными. «Мудрый» волостной суд вынес следующее решение: «Отправиться без замедления в полном составе суда в дом Логинова, сделать из заарестованного мяса достаточное количество пельменей и затем приступить к их истреблению в том уповании, что если мясо, содержащееся в пельменях, принадлежит корове, украденной самим Логиновым, то пельмени должны стать поперек горла, если же корова украдена кем-либо другим, то они пройдут без всяких затруднений». Нетрудно догадаться, что пельмени прошли как по маслу, а «виновник торжества» Логинов был освобожден от всякой ответственности за кражу или покупку украденных коров¹²⁴.

Вспоминали о случаях из практики крестьянской судебной системы и в рамках классового подхода, описывая «промахи» буржуазной юстиции. Так, волостной суд приговорил обвиняемого к трехдневному аресту, а волостной писарь переспросил в отдельности каждого судью (их было трое): «На сколько дней приговорен татарин?» – «На три», – отвечал каждый. Писарь записал и прочитал вслух постановление, из которого слушатели узнали, что подсудимый приговорен уже на 9 дней. – «Как! Постой, братец, – заметил председатель суда, – приговорили-то мы его на три дня, не более...». Писарь объяснил: «Ты, председатель, приговорил на три дня, да каждый из судей – на три. Вот и стало девять». Судьи весьма одобрительно посмеялись. Закончилось дело тем, что ответчик действительно отсидел 9 дней¹²⁵. В Орловском уезде Вятской губер-

---

¹²³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1877 г. Д. 62. Л. 28 – 29 об.

¹²⁴ Екатеринбургская неделя. 12 сентября 1879. № 8. С. 87.

¹²⁵ За что судили // Кировская правда. 29 сентября 1982. № 225. С. 4.

нии из-за неурожаев крестьяне перестали выплачивать подати, тогда волостных судей собрали в полицейском управлении г. Орлова, а на местном базаре начали вылавливать крестьян и препровождать в суд. Здесь по книгам проверялась уплата подати, тут же выносились решения судей о телесном наказании неплательщиков. После этого орловские полицейские чиновники разъезжали по волостным правлениям всего уезда, ругали крестьян «крепкими словцами», смотрели податные книги и отмечали, кого следует выдрать. Волостные судьи же по указаниям приставов «торопливо выносили приговоры, которые тотчас же приводились в исполнение»¹²⁶.

В фондах федеральных и региональных архивов сохранился огромный массив источников с жалобами крестьян на неправильные решения волостных судей, «понуждение» их к «скорейшему разбору дела», на судей, имевших родственные связи судящимися, преждевременные приведения наказаний в исполнение или «не приведение» в исполнение решений суда¹²⁷. Все это было настолько обыденным, что не вызывало особых эмоций у общественности.

К счастью, дела о взяточничестве волостных судей рассматривались более тщательно. Так, в Московской судебной палате разбиралось дело о бывших волостных судьях – крестьянах Александре Зорине, Николае Мальцеве, Терентии Томилове, которые 12 февраля 1888 г. на заседании суда решали дело об оскорблении крестьян Горева и Пленкина крестьянами Анисимом Михайловым, Кириллом и Андреем Копасовыми. До начала разбора судебного дела волостной судья Николай Мальцев поочередно, но непублично, обратился к истцам и ответчикам с «предложением уплатить судьям за решение в их пользу дела три рубля и четверть ведра водки». Истцы отказались платить деньги, но водку, на всякий случай, передали «лихоимцам». Ответчики оказались более стоворчивыми – кроме водки безоговорочно выдали волостным судьям и запрошенную сумму денег: «Это на всю вашу артель, только решите в нашу пользу!». «После этого судьи постоянно выходили из правления в свою кварти-

---

¹²⁶ Кто и как судил крестьян России // Кировская правда. 9 декабря 1865. № 290. С. 3.

¹²⁷ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 11. Л. 58 об., 73 об., 89 – 89 об., 95.

ру и к концу заседания, когда рассматривалось упомянутое дело, были совершенно пьяны, так что не вникали в показания свидетелей»¹²⁸. Судебный процесс закончился отказом в жалобе и оправданием ответчиков, которые, в отличие от истцов, дали судьям не только водку, но и деньги. Большинство судей «с удовольствием» выпивали горячительные напитки не только во время разбора дел, но и после оглашения приговоров: «На предварительном следствии выяснилось, что Ирина Пьянкова после суда действительно угощала судей и старосту водкой, но сделала это без всякого с их стороны вымогательства»¹²⁹.

До 1889 г. волостные судьи работали на общественных началах. Вероятно, поэтому они часто требовали «вознаграждение» с судящихся. Например, один из волостных судей Осинкин встретил истицу на крыльце волостного правления и заявил: «Купи нам, судьям, бутылку водки, и мы решим дело в твою пользу!». Эта «просьба» была выполнена, но дело о попытке вымогательства дошло до Казанской судебной палаты. Прокурор долго пытался квалифицировать совершенное преступление: «Из изложенного видно, что обвиняемые получили от Башковой в дар водку по добровольному согласию на то Башковой. Причем служебных обязанностей своих ничем не нарушали. Такое преступное деяние по признакам своим соответствует понятию мздоимства, предусмотренного 372 ст. «Уложения о наказаниях», и не может быть признано вымогательством, под которым закон понимает такое требование подарка, которое по своему характеру и сопровождавшим его обстоятельствам могло принудить вымогаемого к выдаче имущества из опасения и страха за свое личное и имущественное благосостояние»¹³⁰.

Существенное различие между этими двумя главными видами взяточничества заключались в том, что «лихоимством считается принятие должностным лицом подарка для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы, а мздоимством – принятие таким лицом подарка за совершение действий, входящих в круг его служебной деятельности, но без всякого в чем-

---

¹²⁸ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 131. Оп. 8. Д. 1540. Л. 3–4, 15.

¹²⁹ Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф. 89. Оп. 1. Д. 162. Л. 4.

¹³⁰ НА РТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 256. Л. 5.

либо нарушения обязанностей службы»¹³¹, следовательно, более мягкое наказание получали мздоимцы.

В конце 1880-х гг. в Московской судебной палате разбиралось дело волостных судей о вымогательстве денег у ответчиков. Судьи не признавали себя виновными в преступлении: «Два рубля с крестьян Яковлева и Петрова мы действительно получили, но никак не в видах взятки и вымогательства, а по совету волостного старшины Никифора Иванова в вознаграждение за то, что явились в заседание волостного суда без очереди, причем обвиняемые отдавали нам деньги добровольно». Судьи ссылались на прецеденты из прошлого: «Подобные случаи, как вошедшие в обычай, бывали в Ивановском волостном суде и прежде. Василий Минаев, будучи волостным судьей, брал в виде вознаграждения деньги, а крестьянин деревни Косилова, Павел Федоров давал без всякого вымогательства, добровольно»¹³². Эти доводы стали достаточным основанием оправдательного приговора: «Не сознавая по своей неразвитости и невежеству незаконности своего деяния, а при таких обстоятельствах дела палата не усматривает в деяниях подсудимых тех признаков, которые составляют преступление, полагает справедливым признать всех подсудимых невиновными»¹³³.

Однако многие современники оправдывали волостной суд, возлагая надежды на его дальнейшее развитие. В периодических изданиях апологеты волостной юстиции убеждали общественность, что нет взяточничества и лихоимства в этих судах: «Мне часто случалось разговаривать с крестьянами о волостных судах, и ни разу я не слышал жалоб на подкупность судей»¹³⁴, а князь В.П. Мещерский еще в 1864 г. отмечал, что и пьянство судей – не порок: «Обычай угощать власти и ныне остается во всей силе и вовсе не кажется предосудительным. Лица, которым предстоит иметь дело с волостным судом, угощают судей водкой до заседания, выигравшие дело угощают судей и после заседания»¹³⁵. Все это происходило на фоне бескомпромиссной борьбы за крестьян-

¹³¹ НА РГ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 1732. Л. 11.

¹³² ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 56. Д. 98. Л. 6–10 об.

¹³³ ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 56. Д. 98. Л. 24.

¹³⁴ Якушкин Е. Волостные суды в Ярославской губернии // Юридический вестник. 1872. № 3. С. 9.

¹³⁵ Мещерский В.П. Еще о волостных судах // Русский вестник. 1864. Т. 51. С. 776.

скую нравственность в 1850 – 1860-х гг., когда «местное губернское начальство издавало циркуляры, выставлявшиеся на самых видных местах сельских и волостных правлений, о том, чтобы крестьяне не осмеливались предаваться пьянству, особенно в воскресные дни»¹³⁶.

Однако уже в 1883 г. саратовский губернатор призвал смириться с пьянством волостных судей, так как это «такой общий порок», который нельзя «возводить в недостаток самого учреждения». Он же попытался оправдать действия волостных судей, тем, что «тяжущиеся угощают их обыкновенно после суда. С точки зрения крестьян в этом нет ничего предосудительного: волостной судья, не получающий подати и никакого вознаграждения за исполнение своих обязанностей, тратит время на разбор споров и тяжб, вместо того, чтобы употребить его на отдых или на свои работы, а потому сами они примиряют враждующие стороны, то последние обыкновенно считают своим нравственным долгом вознаградить чем-нибудь судей за их хлопоты. Вознаграждать их деньгами – непрактично, мало дать – обидно судьям, дать много – обидно себе! Поэтому предпочитают угощение водкой, чаем, калачом с медом, в котором участвуют вместе с судьями и сами тяжущиеся»¹³⁷.

Пиршества по окончанию судебных разбирательств, по мнению крестьян, преследовали благородные цели, направленные на сплочение поссорившегося коллектива: «Когда распивают вино, то пьют вместе и правый, и виноватый, чтоб друг на друга зла не имели. Подносят и свидетелям, потому они за них хлопоты приняли, угощают и стариков, и старосту, и писаря»¹³⁸. Процесс потребления горячительных напитков был коллективным, справедливым и даже сакральным: «Все угощения производятся на улице, где выпивающие вино черпают прямо из ведра, а если вина много, то во избежание беспорядков, его делят и расходятся с ним по десяткам. Чтобы соблюсти равномерность, так чтобы не мог кто-либо выпить лишней стакан, поручают одному из своей среды подавать водку. Каждый выпивший первый стакан становится на колени или садит-

---

¹³⁶ Крестьянские волостные суды // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 362.

¹³⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 552 – 552 об.

¹³⁸ Крестьянский суд // Отечественные записки. 1874. № 1. С. 194.

ся на корточки, когда все окажутся сидящими, то угощение повторяется опять с первого, который приняв стакан, – встает»¹³⁹. Порядок этот продолжался до тех пор, пока не заканчивалась водка. Поэтому и жалобы на решения волостных судей были однообразными: «А так как судьи были пьяны...», «судья Н. лежал пьяный на столе, а М. на лавке» и т.д.¹⁴⁰.

Многие крестьяне не хотели признавать такой «суд» и пытались обжаловать его решения¹⁴¹, но большинство жалоб отклонялось. Так, несправедливо осужденный крестьянин Кузьма Грязнов писал сенатору Ивану Шамшину: «Я жаловался по инстанции. Просьба, надо думать, в числе прочих, остается без последствий. Я ради закона, опять подаю голос, – опять отказ, еще более узаконенный. Не видя и не предвидя хоть сколько-нибудь справедливости, я заявляю по инстанции прокурору окружного суда, – опять законный отказ: неподсудность. А последствием этой неподсудности сын мой уже лишился возможности перекупить вовремя судебное решение и получил наказание»¹⁴².

К счастью, не везде складывалась такая плачевная ситуация. Иногда волостные судьи признавали свои ошибки и сами просили уездные по крестьянским делам присутствия признать справедливыми кассационные жалобы крестьян. Так, в 1888 г. ольховский волостной суд Шадринского уезда Пермской губернии рассмотрел дело по жалобе крестьянина Ильи Чуева о том, что его сосед Харитон Баталов самовольно вспахал и засеял его надел. Свидетелем по делу выступил местный сельский староста Архип Чащин, который подтвердил самоуправство Баталова. Волостные судьи признали ответчика виновным и приговорили к 15 ударов розгами. Харитон Баталов не успокоился и написал заявление, в котором приводил факты своей невиновности. В конечном итоге были командированы двое судей для «удостоверения» справедливости заявления. Оказалось, что ответчик действительно ничего не пахал и не сеял на земле, принадлежащей Чуеву. Судьи признали ошибку и постановили: «Ходатайствовать пред уездным по крестьянским делам присутствием об отмене решения за

¹³⁹ Пермские губернские ведомости (ПГВ). 1875. № 95. С. 475.

¹⁴⁰ Янович В. Итоги шестилетия (заметки земского начальника). Пермь, 1902. С. 3.

¹⁴¹ НСБ РГИА. Печатная записка № 981. С. 11.

¹⁴² РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 178. Л. 24 об.

1 июня 1888 г. № 12-0 о наказании розгами Харитона Баталова, как решение на основании несправедливых показаний свидетелей» и просили уездное присутствие подвергнуть сельского старосту Чашина административному взысканию «за удостоверение под судом несуществующих фактов, чем ввел волостной суд в заблуждение»¹⁴³.

Сегодня кажется странной «борьба» министерства внутренних дел против единичных случаев приковывания буйных крестьян к цепи, когда в это же время вполне законно сотни тысяч крестьян ежегодно арестовывались сельскими старостами и подвергались телесному наказанию по решениям волостных судов: «При тех безурядице и произволе, которые сплошь и рядом господствуют в наших сельском и волостном самоуправлениях, стоило до сих пор тому или другому оберегателю крестьянских прав и обязанностей возыметь какое-либо неудовольствие против того или другого члена общества, лицо это немедленно подвергалось наказанию розгами по приговору покорных воле начальника волостных судей»¹⁴⁴.

Понятно и отсутствие каких-либо даже намеков на расследование министерства внутренних дел в отношении грубого нарушения судопроизводства в березниковском волостном суде, где постановление по означенному делу вынесли сельский писарь и старшина. С самого введения волостной юстиции в 1861 году, основу которой составляли неграмотные крестьяне-судьи, в столицу приходили крайне негативные заметки о волостном суде. Первыми забили тревогу мировые посредники, ежедневно сталкивавшиеся с неграмотностью и несправедливостью волостных судей.

В 1862 году мировой посредник 5 участка Сердобского уезда сообщал в саратовское губернское по крестьянским делам присутствие, что «состав волостных судов по необразованности вообще крестьян, по совершенному неразвитию понятий, как о законах, так и о правах каждого, по непониманию даже Высочайше утвержденного Положения и, наконец, по влиянию на волостных судей разных местных и личных обстоятельств, не представляет еще должных гаран-

---

¹⁴³ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 34. Л. 47–48.

¹⁴⁴ Екатеринбургская неделя. 28 августа 1885 г. № 34. С. 439–440.

тий и какого-либо уверения в справедливости их решений»¹⁴⁵. В 1864 году мировой посредник 1 участка Красноуфимского уезда сообщал в пермское губернское по крестьянским делам присутствие, что по положению от 19 февраля 1861 года крестьяне не могли даже жаловаться на решения волостных судей, которые до 1866 года считались окончательными и не подлежали пересмотру, хотя «все почти эти жалобы на практике оказываются справедливыми. Волостные судьи постановляют решения..., не спрашивая свидетелей, не поверяя доказательств по просьбам тяжущихся, не основываясь на заявляемых письменных сделках и даже не объявляя решения ответчикам, постановленных без личности их»¹⁴⁶.

После 1866 г. кассационной инстанцией, то есть инстанцией, имевшей право отменить решение волостного суда, до 1874 г. были мировые съезды посредников, а затем уездные по крестьянским делам присутствия, которые имели право отменить решения только при несоблюдении 96 – 98, 101, 102 и 107 статей Общего Положения 1861 г. Вследствие этого, решения волостного суда могли быть отменены только в следующих случаях: 1) постановил решение по делу ему неподсудному; 2) приговорил к наказанию, назначение которого ему не предоставлено; 3) постановил решение без вызова лиц, участвовавших в деле; 4) не предложил сторонам примириться¹⁴⁷.

На практике инстанции, рассматривавшие кассационные жалобы, не обращали внимания на апелляционные просьбы и обиженные судом крестьяне часто, получали отказы на приговоры волостных судов. Так, большое количество крестьянских заявлений было следующего содержания: «Честь имею заявить в шадринское уездное по крестьянским делам присутствие, что действительно я называл его вором, что может это доказать односелец Александр Лобов, у которого он, Помаскин, воровал овес и ячмень, а означенные крестьяне в копии, взятой с решения волостных судей, доказали только то, что я, Кузьминых, называл его, Помаскина, вором, а скрыли, что он, Помаскин, нанес мне удар в плечо, что могут подтвердить крестьяне Дмитрий Петров и др. Вдобавок он,

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1862 г. Д. 94. Л. 88 – 88 об.

¹⁴⁶ Журнал Пермского губернского по крестьянским делам присутствия 1864 г. от 23 января № 62 // Приложения к Пермским губернским ведомостям. 1864. № 7 от 14 февраля 1864 г. С. 1.

¹⁴⁷ Якушкин Е. Волостные суды в Ярославской губернии // Юридический вестник. 1872. № 3. С. 8.

Помаскин, воровал лопату у крестьянина Николая Рычкова и щепень у Петра Казакова, почему смелюсь покорнейше просить членов шадринского по крестьянским делам присутствия разобрать наше дело законным порядком...»¹⁴⁸. Естественно, подобные заявления требовали пересмотреть дело, что запрещалось законом¹⁴⁹. Разрешалось уездным присутствиям лишь отменять решения волостных судей из-за явных нарушений процесса судопроизводства и направлять дела на новое рассмотрение.

Уездные по крестьянским делам присутствия часто отказывали крестьянам в обжаловании приговоров. Это можно объяснить и тем, что «крестьянские присутствия неизбежно порождают большое бумажное производство и отличаются формальным отношением к делу»¹⁵⁰. Действительно, присутствия замыкали на себе большинство дел, связанных с крестьянством. Приходилось рассматривать не только дела по жалобам на решения волостных судов, но и дела по имуществу малолетних крестьян, по распоряжению мирским капиталом, по взысканию податей и повинностей, по спорам о владении землей, по продаже крестьянского имущества, по жалобам на неправильное производство выборов должностных лиц крестьянского управления и др.

Даже в отдаленной Пермской губернии шадринское уездное по крестьянским делам присутствие только в январе 1883 г. рассмотрело 233 дела. Из них 49 – жалобы на решения волостных судей, 8 из которых были признаны «справедливыми». В этом месяце уездное присутствие рассмотрело огромное количество дел: о продаже имущества малолетнего сироты; о противоправных поступках бывшего басмановского волостного писаря; о жалобах крестьян на полицейских, сельских старост и старшин; об оскорблениях старшин разной непечатной бранью; о растратах общественных денег их сборщиками; всевозможные рапорты волостных правлений на приговоры сельских обществ, прошения крестьян и др.¹⁵¹ Большая нагрузка на несколько членов уездных по крестьян-

---

¹⁴⁸ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2.

¹⁴⁹ ПСЗ-2. СПб., 1874. Т. 49. Ч. 1. № 53678. Ст. 11, 18. С. 930–932.

¹⁵⁰ НСБ РГИА. Печатная записка № 981. С. 11.

¹⁵¹ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–147.

ским делам присутствий вынуждала их относиться формально к жалобам и на решения волостных судей.

В большинстве случаев, в кассационной жалобе крестьяне писали, что свидетели с их стороны не были вызваны. Однако эта причина и являлась поводом для отказа в жалобе со следующей формулировкой: «Не спрос волостным судом свидетелей не может служить кассационным поводом для отмены решения волостного суда, ибо допрос или не допрос свидетелей, на которых ссылаются стороны, зависит от усмотрения волостного суда»¹⁵². Хотя современники подчеркивали, что «с точки зрения крестьянства, только одно обстоятельство приобретает значение, как достаточный повод для отмены приговора суда: не вызов к разбирательству участвующих в деле лиц, так как от такого обстоятельства зависит не только направление, но и исход дела»¹⁵³. Для российских крестьян, ставивших во главу принципы справедливости, было важно, что «суд не отвел свидетелей родственников противной стороны», «не спросил свидетелей, выставленных ими в свое оправдание», но уездные по крестьянским делам присутствия ссылались на решения Сената, по которым эти причины «не составляли кассационного повода к отмене решения волостного суда»¹⁵⁴.

Начальники губерний подтверждали, что «с жалобами на означенные постановления уездных по крестьянским делам присутствий крестьяне обращаются повсюду, где только, по их мнению, есть власть: и в губернское по крестьянским делам присутствие, и в мировые учреждения, и к прокурору, и, чаще всего, к губернатору, – и везде получают отказ. Таким образом, в крестьянах рожалось убеждение в невозможности где-либо найти правосудие, и укоренялось недоверие ко всем существующим учреждениям и должностным лицам. «Нигде правды нет!» – вот воззрения крестьян, выработавшиеся практикой крестьянских тяжёбных дел»¹⁵⁵.

---

¹⁵² ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

¹⁵³ Дашкевич Г.А. О волостном суде и его реформе (из наблюдений над крестьянским самоуправлением). Вильна, 1885. С. 13.

¹⁵⁴ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 21. Л. 7; Там же. Д. 11. Л. 11, 103–106, 111–112, 115–116, 119–120, 124–125, 127, 130–132, 135, 138, 140–141.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 105–105 об.

Таким образом, ежегодно возникала масса жалоб на действия и решения волостных судей, причем положение абсолютно не менялось в течение нескольких десятилетий: в сведениях за 1883 год из Ирбитского уезда сообщалось губернатору Пермской губернии А.К. Анастасьеву¹⁵⁶, что из 435 жалоб от местных крестьян, 272 были сделаны на волостных судей¹⁵⁷. Анализ книги для записей решений ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия с 21 февраля по 25 июня 1884 года выявил 131 обращение крестьян, из которых 64 касались волостного суда¹⁵⁸. В большинстве жалоб отмечалось, что судьи не опросили свидетелей или дела были вообще им неподсудны, но некоторые решения волостных судей явно противоречили закону и отражали полную анархию в постановленных решениях. Например, за кражу у односельчанина крестьянин Семен Терентьевич Речкалов был приговорен к наказанию 20 ударами розог, денежному взысканию в пользу пострадавшего в размере 20 рублей, а также к вознаграждению 6 свидетелей истца в размере 1 рубль 20 копеек каждому¹⁵⁹. В результате за одно преступление ответчика наказали не только розгами, но и превысили денежное наказание, указанное в законе, в десять раз!

Имущественные споры крестьян тоже вершились по неизвестным никому обычаям: в одно и то же время, по одинаковым делам в Ирбитском уезде принимались противоположные решения в отношении раздела имущества между близкими родственниками. Например, бобровские волостные судьи даже не приняли иск отставного солдата Степана Ивановича Важнина о выделении ему части имущества, оставшегося после смерти отца, а чубаровские судьи заставили выплатить Захара Кирилловича Бурматова денежное взыскание в пользу брата – солдата Николая в размере 35 рублей, «следующих ему по разделу имущества, оставшихся после смерти их отца»¹⁶⁰. Отметим, что на оба дела подавались кассационные жалобы, которые ирбитское уездное по крестьянским делам присутствие оставило без последствий.

---

¹⁵⁶ Попп И.А. А.К. Анастасьев // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 82 – 90.

¹⁵⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 655. Оп. 1. Д. 32а. Л. 128 об. – 129.

¹⁵⁸ ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 – 291.

¹⁵⁹ ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 215.

¹⁶⁰ ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 65. Л. 136 об. – 137, 171 об. – 172.

Складывается впечатление, что представители правящих кругов не знали, как можно исправить сложившуюся ситуацию без коренной перестройки всей системы низших судебных учреждений. Растерянность высших чиновников из министерств юстиции и внутренних дел хорошо видна из делопроизводственной переписки соответствующих ведомств. Еще в 1863 году министр внутренних дел П.А. Валуев в ответ на огромное количество жалоб в отношении волостных судов «признал необходимым предварительно истребовать заключения некоторых губернских по крестьянским делам присутствий», а позже согласился, что «волостные суды иногда принимают к своему рассмотрению и решению споры гражданские и проступки, ведению их не подлежащие, а также допускают отступления от указанного в положениях порядка производства дела в их судах и, при назначении меры наказаний за проступки, выходят из пределов предоставленной им власти»¹⁶¹. В январе 1868 года новый министр юстиции К.И. Пален на ходатайство председателя весьегонского съезда мировых судей о необходимости «совершенного преобразования» волостного суда, отметил, что убедился «из собственного опыта в несовершенстве учреждения волостных крестьянских судов, действительно не пользующихся по своему пристрастию доверием со стороны крестьянского населения», но полностью не смог одобрить предлагавшийся план реформирования вышеозначенного суда¹⁶².

В ноябре 1868 года министр внутренних дел А.Е. Тимашев в ответ на очередную записку о недостатках волостных крестьянских судов допустил, что «имеющиеся в министерстве внутренних дел отзывы губернаторов удостоверяют, что волостные суды, особенно по разрешению дел о проступках, весьма часто не удовлетворяют своему назначению» и направил ряду начальников губерний запрос о предоставлении ими предположений о преобразовании волостных судов¹⁶³. В 1869 году начальник Казанской губернии направил официальное письмо в министерство внутренних дел по вопросу о порядке отмены пристрастных решений волостных судов. Министр внутренних дел переправил его

---

¹⁶¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1862 г. Д. 95. Л. 2 об., 114 об.

¹⁶² РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1868 г. Д. 21. Л. 1 – 1 об.

¹⁶³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1868 г. Д. 21. Л. 27–29 об.

в министерство юстиции, которое посоветовало отложить ответ до разрешения общего вопроса о волостных судах¹⁶⁴.

В этом же году вятский губернатор направил в министерство внутренних дел ходатайство от местного губернского по крестьянским делам присутствия «об освобождении волостных судей от подчинения волостным старшинам и присвоении общественному положению судей преимуществ, соответствующих важности их сана и должному значению в среде крестьян». Начальник губернии сообщал, что по результатам ревизии волостей Вятской губернии выявлено вредное и незаконное влияние волостных старшин на крестьянских волостных судей, их несамостоятельность, а также малое уважение населения к этому словесному суду. В рамках исполнения 126 статьи Положения 19 февраля 1861 года старшины часто подвергали судей заключению под арест на несколько дней¹⁶⁵. Управляющий земским отделом министерства внутренних дел Ф.Л. Барыков первоначально посоветовал губернатору переадресовать ходатайство в Правительствующий Сенат, но в апреле 1870 года последний определил возвратить рапорт вятского губернатора министру внутренних дел «с тем, чтобы изложенное в оном ходатайство губернского по крестьянским делам присутствия, буде признать таковое заслуживающим уважения, внес установленным порядком на рассмотрение Главного Комитета об устройстве сельского состояния». Заключительный рапорт в мае 1870 года в Правительствующий Сенат направил товарищ министра внутренних дел Б.П. Обухов, в котором признал вероятность снижения влияния волостных старшин на судей только в случае их совершенного изъятия из ведения общественного крестьянского управления, что, «очевидно, невозможно и посему входить в Главный Комитет с представлением о допущении предположенной вятским губерньским присутствием меры не представляется уважительного основания»¹⁶⁶. Таким образом, ходатайство вятского губернского присутствия было отправлено в архив, а проблема сниже-

---

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1868 г. Д. 248. Л. 1–2.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1869 г., Д. 134. Л. 1–2 об.

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1869 г. Д. 134. Л. 3–9.

ния влияния должностных лиц крестьянского самоуправления на решения волостного суда так и осталась на повестке дня.

В условиях очевидной необходимости реформирования волостного суда руководители министерств показывали абсолютную растерянность, но прикрывали ее отписками на официальных бланках в губернии обширной Российской империи. В 1868 года новоржевское уездное земское собрание через псковского губернатора подало ходатайство в министерство внутренних дел о необходимости обжалования решений волостных судов в апелляционном порядке. Требование вполне справедливое, постоянно озвучивавшееся в периодических изданиях, ходатайствах уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, уездных и губернских земских собраний и др., но министр внутренних дел А.Е. Тимашев просто уведомил губернатора, что «так как ходатайство это касается предмета принадлежащего кругу не земских, а правительственных учреждений, то, в виду статьи 7 Положения о земских учреждениях, не может подлежать удовлетворению»¹⁶⁷. В начале 1870-х гг. подобные ходатайства приходили из Новгородской, Смоленской, Тульской, Санкт-Петербургской и др. губерний с просьбами о предоставлении возможности апеллировать решения волостных судов, выборе подсудности между волостным и мировым судами, избрании в волостные судьи лиц, имевших недвижимую собственность в уезде или же совершенном уничтожении волостного суда. На эти предложения министерство внутренних дел отвечало, что правительство уже обратило внимание на этот вопрос, а император поручил «министерству юстиции по согласованию с министерством внутренних дел для подробного обсуждения вопроса о волостных судах, образовать особую комиссию, от которой и будет зависеть дальнейшее разрешение представленного Вами, милостивый государь, ходатайства»¹⁶⁸.
Время шло, а волостная юстиция оставалась прежней.

В 1874 году министры юстиции и внутренних дел пришли к полному согласию в вопросе о волостных судах: костромское земское собрание направило

---

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1868 г. Д. 254. Л. 1–3 об.

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1868 г. Д. 21. Л. 104–114.

в министерство юстиции представление «о возникающих при производстве дел по маловажным проступкам крестьян затруднениях при решении вопроса о подсудности оных». По мнению земцев, в законодательстве не точно было прописано, какие именно проступки крестьян подведомственны волостному суду. К.И. Пален сообщил его сиятельству А.Е. Тимашеву, что «разрешение возбужденного костромским земством вопроса, вследствие тесной связи его с вопросом о волостных судах, следовало бы отложить до преобразования в законодательном порядке крестьянских судов». В ответном письме министр внутренних дел нашел «неудобным делать какие-либо особые распоряжения по настоящему ходатайству губернского земского собрания. И по поводу означенного ходатайства полагал бы достаточным сообщить через губернатора земскому собранию, что на необходимость преобразования волостных судов обращено уже внимание правительства»¹⁶⁹. Подобный ответ министерство внутренних дел направило новгородскому губернскому земскому собранию по вопросу обжалования решений уездных по крестьянским делам присутствий, постановленных по жалобам на волостные суды¹⁷⁰.

В 1878 году новгородское губернское по крестьянским делам присутствие спросило у министерства внутренних дел, «как поступать в тех случаях, когда свидетель не из сословия крестьян не явится в волостной суд по данной ему повестке, а одна из сторон в жалобе высшей инстанции выставит это, как кассационный повод к отмене решения волостного суда, не опросившего указанного свидетеля?» Министр юстиции К.И. Пален обратил внимание министра внутренних дел А.Е. Тимашева на то, что дело, на основе которого новгородское губернское присутствие задавало вопрос, не подлежало юрисдикции волостного суда, а, «за неимением в виду иных сведений, о каких-либо возникавших в означенном отношении затруднениях и неудобствах, представлялось бы более удобным не касаться упомянутого вопроса до случаев возбуждения его на деле

---

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 37. 1874 г. Д. 242. Л. 1–2 об.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 37. 1876 г. Д. 99. Л. 16 об. – 17.

и до получения вместе с тем указаний на практику в этом отношении учреждений по крестьянским делам»¹⁷¹.

При этом одни и те же цитаты министерств юстиции и внутренних дел в отношении волостного суда звучали и в 1880-е гг. Так, в 1885 году товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве на вопрос о заочных решениях волостного суда вспоминал общеизвестную министерскую фразу: «Установление этих правил могло бы последовать в законодательном порядке и притом, в виду возбужденного уже общего вопроса о преобразовании волостных судов...»¹⁷². Кардинальных изменений в судопроизводстве волостных судей не произошло даже после введения закона о земских начальниках в 1889 году¹⁷³.

Таким образом, из разных губерний в столицу приходило большое количество ходатайств и проектов от людей-практиков, работавших в уездных и губернских крестьянских, судебных учреждениях и предлагавших усовершенствовать всю систему местной выборной и независимой крестьянской власти. В провинциальной и столичной прессе описывались случаи, характеризовавшие существовавшие нарушения и не всегда полезную деятельность волостных старшин, сельских старост, писарей, волостных судей и др. лиц, отвечавших за подведомственных им крестьян. Уже во второй половине 1860-х гг. у многих современников складывалось впечатление о необходимости постепенной модернизации крестьянского общинного самоуправления и его «краеугольного камня» – волостного суда. Однако представители правительственных учреждений, понимавшие несправедливость и отсталость сложившейся сословной системы и общинного крестьянского хозяйствования, не были готовы к их коренной перестройке, чиновники на министерских бланках посылали в губернии пространные, неконкретные ответы, а за бюрократической перепиской терялся смысл просьб и предложений.

---

¹⁷¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1878 г. Д. 5. Л. 1–3.

¹⁷² РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1880 г. Д. 3. Л. 7 об.

¹⁷³ ПСЗ-3, т. 9, № 6196.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем отличие «лихоимства» от «мздоимства» волостных судей?
2. Как оправдывали некоторые высшие чиновники пьяные оргии на волостном суде?
3. Могли ли волостные старшины сажать на основании закона крестьян на цепь?
4. Назовите основные причины кассационных жалоб на решения волостных судов?
5. Почему складывается впечатление о растерянности политической элиты Российской империи 1860 – 1880-х гг. в вопросах преобразования волостного суда?
6. Какие судебные дела разбирали волостные суды?
7. Возможно ли было подать апелляцию на решения волостных судей?

§ 2.2. Особенности развития волостного суда в Пермской губернии

Пермская губерния охватывала огромные территории Северного, Среднего, Южного Урала и может рассматриваться как локальная часть Российской империи. В течение исследуемого периода эта территория не подвергалась изменениям и состояла из 12 уездов: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Шадринский, Чердынский. Она занимала «громадное пространство (около 276661 кв. верст), в котором могло бы уместиться несколько государств Западной Европы»¹⁷⁴. В Российской империи она находилась на 3 месте по площади, уступая лишь Астраханской и Вологодской губерниям. В 1882 г. в ней проживало более 2,5 млн человек. По количеству населения она входила в число лидеров (уступала лишь Вятской губернии – 2,7 млн человек). В центральных губерниях России число жителей не превышало 2,3 млн человек¹⁷⁵. Пермская губерния была слабо заселена: в северных уездах на 1 кв. версту приходилось всего 1,2 человека.

Социально-экономические условия также были неодинаковы: Уральские горы разделяли губернию на две неравномерные по величине и различные по развитию половины: западную в европейской и восточную в азиатской части России. Приуральская часть (Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский уезды) была заселена крестьянами «в главной массе бедными и мало предприимчивыми». Зауральская часть (Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский уезды) обладала «более тучной почвой» и «богатыми залежами разных минеральных богатств». Население, состоявшее из горнозаводских мастеровых и бывших государственных крестьян «отличалось промышленным и торговым даром, большой сравнительно разбросанностью и, в значительной массе, довольно зажиточно»¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1914. С. 22–23. В рассматриваемый период времени: десятина – 1,09 га; верста путевая – 1080 м.

¹⁷⁵ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1884 г. губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб., 1885. С. 1–304.

¹⁷⁶ Сборник Пермского земства. 1886. № 1. С. 4–5; ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 65. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–2.

Таким образом, Пермская губерния обладала несомненной спецификой: плохо развитая дорожная сеть, отдаленность от центра, большая территория, низкая плотность и неравномерно проживавшее население, малочисленность дворянства в структуре пермского общества, наличие горнозаводского элемента и др. Преобладание русского населения и наличие развитого бюрократического аппарата в губернии предопределили проведение либеральных реформ 1860–1870-х гг. в полном объеме. Развитие государственных учреждений, присущих остальным регионам обширной Российской империи, включение этой губернии в общую систему социально-экономического, политического и культурного взаимодействия, указывает на равнозначность процессов, происходивших в общероссийских масштабах.

Становление пореформенного пермского местного суда началось в 1861 г., когда наряду с крестьянским волостным и сельским самоуправлением был введен волостной суд¹⁷⁷. Во всеподданнейшем отчете за 1861 г. пермский губернатор сообщал о деятельности волостного суда: «Послужил к большому сознанию крестьянами полученных ими прав и к убеждению их в важности и пользе общественного управления и суда». В 1862 г. он же объяснял, что «волостные суды повсеместно почти и особенно, где первоначально обратили на них внимание мировые посредники, приносят пользу, а некоторые решения даже замечательны»¹⁷⁸. В это время военный генерал-губернатор Пермской губернии обратил внимание министра внутренних дел на показательный пример двух заводских крестьян, которые были арестованы исправником за нарушение полицейских правил «о предосторожностях от пожарных случаев». Местный мировой посредник Осинского уезда Бакланов попросил освободить провинившихся крестьян и передал дело во вновь образованный волостной суд: «Распоряжение это, сделавшееся вскоре известным большинству населения, понравилось и, по мнению посредника, будет иметь благодетельное влияние на умы их»¹⁷⁹.

---

¹⁷⁷ ПСЗ-2. СПб., 1863. Т. 36. № 36657. С. 141–169.

¹⁷⁸ НСБ РГИА. Коллекция печатных записок. Печатная записка № 982. «Справка о действиях волостных судов в обществах временно-обязанных крестьян». С. 8–9.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. Д. 18. 1861 г. Л. 6 об.

Видимо, во всеподданнейших отчетах губернатор немного приукрашивал ситуацию. Сохранился циркуляр управляющего пермской палатой государственных имуществ для волостных правлений за 1862 г., где были подвергнуты критике все должностные лица местного крестьянского самоуправления: «Проступки эти и злоупотребления по службе более и менее имеют начало в совершенно неосновательном понимании о важности значения сельского должностного лица, для которого будто бы и закон должен быть не так строг, как для простого рядового крестьянина»¹⁸⁰. В заключение управляющий привел примеры наказаний «провинившихся» сельских должностных лиц, что должно было «благотворно» повлиять на остальную массу волостных старшин, писарей, судей и сельских старост.

Следующим источником о развитии и деятельности пермского волостного суда стали материалы ревизии Павла Николаевича Клушина. Из-за «значительных и частых затруднений» в январе 1870 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев направил письмо министру юстиции К.И. Палену о необходимости «подробного и всестороннего исследования дел в Пермской губернии»¹⁸¹. В марте того же года император «соизволил назначить ревизию Пермской губернии», во главе которой стал П.Н. Клушин¹⁸². Это был опытный руководитель: служил в различных департаментах и министерствах, работал вице-губернатором в Калужской и губернатором в Пермской и Волынской губерниях¹⁸³.

Уже в августе 1870 г. Клушин прибыл в Пермскую губернию¹⁸⁴. По его данным, эта губерния «занимает пространства более 30 миллионов десятин с населением в 2000000 жителей обоего пола», 2/3 площади покрывали леса. Дворяне-землевладельцы в губернии не проживали: «Несмотря на огромность их владений, непосредственное влияние и значение этого сословия в ряду прочих сословий малозаметно»; плохие дороги влияли на то, что «каждая отдельная местность не имеет прочной связи с центральными учреждениями, и потому естественным путем представлена самобытности своих собственных сил»;

¹⁸⁰ ГАШ. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 4010. Л. 1.

¹⁸² РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 118. Л. 4.

¹⁸³ Популярная энциклопедия Пермского края. Пермь, 2006. Т. 1. С. 108.

¹⁸⁴ Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми. Летописи города Перми с 1845 по 1890 г. Пермь, 1889. С. 283–284.

отсутствие системы образования «мешает правильному развитию местной горной производительности... за отсутствием просвещения, грубые раскольнические сектантские учения находят в народе чрезвычайно восприимчивую почву для своего развития»¹⁸⁵. Подобные объективные причины замедляли не только экономическую модернизацию губернии, но и откладывали проведение земской и судебной реформ.

В это время на территории Пермской губернии только начинала формироваться система выборных, гласных, независимых местных судебных учреждений. Если в 1861 г. был введен волостной суд, то в 1870 г. еще не был создан институт мировых судей. Дореформенный суд, по мнению Клушина, полностью контролировался пермским губернатором: «Местная администрация своим постоянным вмешательством в существо дел судебных и, по преимуществу уголовных особой важности, сильно поколебала веру в самостоятельность суда. Стесненное влияние этой власти, распространяемое на все судебные учреждения, явное предпочтение полиции и беспрецедентная вера в непогрешимость ее действий, в которых я, со своей стороны, нашел только одно беззаконие, не только убили всякое сознание полиции о необходимости содействовать суду, но породили известную зависимость суда от полиции. И все действия, все меры, принимаемые как отдельными лицами судебного ведомства, так учреждениями, остаются бесплодными и бесследными, если, только в силу какой-либо счастливой случайности, полиция не признает нужным явиться на помощь суду»¹⁸⁶. В заключение сенатор задавал вполне справедливый вопрос: «Неужели народ, которому судьба определила вести тяжелую борьбу с трудностями природы, не заслуживает того, чтобы его жалобы, его горе были выслушаны с человеческим участием? Между тем просителей от крестьян сажают в тюрьмы, заковывают в кандалы, или они принуждены тайно скрываться в лесах, чтобы избегнуть преследований от местных властей!»¹⁸⁷.

---

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 2 – 4.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 8 об.

На общем неблагоприятном фоне Павел Николаевич дал положительную оценку волостной юстиции. Несмотря на значительную критику волостного суда за его сословность, зависимость от волостных писарей и старшин, беспелляционность, несправедливость решений, пьянство судей, двойные стандарты в решении однотипных дел, Павел Николаевич по-другому оценил деятельность пермских волостных судов, отметив, что на фоне общей неудовлетворенности судебной властью, произволом полицейских чиновников в отношении расправы по маловажным проступкам и имущественным спорам, сельское население «дорожило своим судом – скорым и, во всяком случае, более справедливым, чем судебная полицейская расправа». Сенатор отметил и необходимость действия обычного права, применению которого «способствовали местные обстоятельства, потому что население губернии историческим своим строем и разнообразностью составляющих его сословий в общественной жизни выработало столько обычаев, не подходящих под нормы установленным законодательством, что применение этих норм было бы стеснением для населения»¹⁸⁸.

Ревизор внимательно изучил деятельность пермских волостных судей и сделал вывод, что «волостной суд успел выработать некоторые особые формы и обряды судопроизводства, служащие доказательством практического применения его в быту сельских жителей»¹⁸⁹. По мнению Клушина, судьи «взвешивали» все собранные по судебным делам доказательства, записывали их в особые графы книг, отличали виновных от их сообщников, а за оскорбление женщин назначали более суровое наказание. При этом судьями не принимались во внимание бездоказательные «оговоры». В решениях судей «уже видна некоторая выработанность юридических начал, хотя, впрочем, не всегда соответствующих началам, принятым нашим законодательством»¹⁹⁰.

Особенностью местной волостной юстиции являлось примирение сторон даже в делах о кражах имущества. Допускались обвинительные решения за кражу собственных вещей. Так, пермский крестьянин был осужден за кражу

---

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 102 об.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 105 об.

¹⁹⁰ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 105 об.

своего полушубка, который спрятала жена, «чтобы муж его не пропил». При разделе имущества волостные судьи часто занимали сторону бездетных вдов, которые после смерти мужей могли получить от свекра все движимое имущество мужа и весь причитавшийся на его долю скот. За нанесение обид крестьяне штрафовались или подвергались аресту на несколько дней¹⁹¹.

Несмотря на то, что русские крестьянки считались бесправными, жалобы которых в большинстве случаев не удовлетворялись судом¹⁹², пермские волостные судьи вставали на сторону женщин, особенно в вопросах сохранения семей. Так, в 1888 г. крестьянская жена Апраксия Давыдова обратилась в чувовской волостной суд Пермского уезда с жалобой: «Муж ее, крестьянин Василий Давыдов, выгнал ее из дома и взял к себе в кухарки девицу Марфу, поэтому просит обязать кухарку из дома ее выдворить и отобрать овец у мужа ее, и предоставить их в ее распоряжение. Обязать мужа держать ее при доме». Судьи встали на сторону жены, не только предоставив ей овец, но и обязали мужа жить вместе с Апраксией¹⁹³.

Главной задачей местного волостного суда являлось сохранение экономически сильных и эффективных крестьянских хозяйств. Не только жены с жалобами на растраты и пьянство обращались в суд, но и матери и отцы, мнение которых в традиционном обществе имело особую силу. Ярким примером родительского влияния служит пример крестьянки Кондаковой, которая заявила волостному суду, что ее сын Федор Кондаков «сильно уклонился в пьянство и растрчивает свое домохозяйство, поэтому и просит сына Федора за означенные поступки подвергнуть ответственности». При разборе дела оказалось, что Федор действительно «расстраивал домохозяйство», поэтому «за означенные поступки подвергли оштрафованию розгами пятнадцати ударами»¹⁹⁴.

Несмотря на положительную характеристику волостного суда в Пермской губернии сенатор Клушин выявил существенные проблемы в организации во-

---

¹⁹¹ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 106–106 об.

¹⁹² Крестьянские волостные суды // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 361–362.

¹⁹³ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 224. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об. – 10.

¹⁹⁴ ГАПК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 10. Л. 63 об. – 64.

лостной юстиции, которые впоследствии отразились на деятельности всего пореформенного местного суда.

Во-первых, при проведении реформы 19 февраля 1861 г. в Пермской губернии из-за обширности пространства и «заимочного» способа пользования землей произошло «искусственное» разделение волостей на сельские общества, состав которых пришлось «исправлять сообразно желанию самих крестьян». Дело дошло до министерства внутренних дел, но даже в начале 1870-х гг. проблема не была решена. Это влияло не только на деятельность сельских сходов, не желавших из-за внутренних противоречий находить общие решения, но на практику обычно-правового волостного суда, который не всегда мог сбалансировать разнообразные традиционные уклады волости с множеством «искусственно» соединенных крестьянских обществ¹⁹⁵.

Во-вторых, волостные суды приговаривали виновных исключительно к телесному наказанию, «подобное направление волостных судов хотя и находит себе оправдание в неразвитости народов, но не может быть признано законным, потому что значение волостного суда заключается в том, чтобы дать возможность народным обычаям примениться к потребностям самоуправления»¹⁹⁶. Отметим, что в дальнейшем в Пермской губернии наблюдалось незначительное сокращение такого рода наказаний. В отдельные годы розги применялись только к трети от общего числа осужденных.

По данным пермских губернаторов, в 1880 г. волостными судами было решено 16719 дел «по маловажным проступкам», по которым привлечено к ответственности 16630 человек, в том числе 7368 – к телесному наказанию (более 44% от общего числа наказаний), «что имеет особенное значение в виду того, что телесное наказание присуждается волостными судами преимущественно, за кражу и другие противозаконные способы присвоения чужой собственности»¹⁹⁷. В следующем году волостные судьи рассмотрели уже 16955 дел, осудили 17530 человек, из которых только к 7258 применили розги (41% от общего

---

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 200 – 201; Крестьянское дело (из отчета Министра Внутренних Дел. За 1861 – 1863 гг.). СПб., 1865. С. 26.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 229.

¹⁹⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.

числа наказаний)¹⁹⁸. В 1882 г. в волостном суде решено 17359 дел и «присуждено к разного рода наказаниями 19401 человек, из коих 7528 человек – к телесному наказанию»¹⁹⁹. В этом году 38% осужденных подверглись порке, а в 1883 г. лишь 36% приговоров были исполнены с применением розог²⁰⁰. В последующие годы происходило незначительное увеличение решений волостных судей с применением телесных наказаний (см. Таблицу 1)

Таблица 1

**Количество рассмотренных в пермских волостных судах уголовных дел и осужденных по ним крестьян в 1880 – 1885 гг.
(по данным пермских губернаторов)²⁰¹**

Годы	Кол-во уголовных дел, решенных волостными судами (дел)	Кол-во осужденных, к различным наказаниям (человек)	Кол-во осужденных, подвергнутых телесному наказанию (человек)	Процент наказанных телесно от общего количества осужденных (%)
1880	16719	16630	7368	44%
1881	16955	17530	7258	41%
1882	17359	19401	7528	38%
1883	19315	21935	8016	36%
1884	18946	22584	8518	37%
1885	20636	23180	9845	42%

В-третьих, ревизия делопроизводства волостных судов выявила, что не существовало «разграничения между пределами власти» волостных судов и волостных старшин, а также полиции и мировых посредников. Особенно зависимость волостного суда от волостной администрации влияла на судопроизводство²⁰².

В-четвертых, вмешательство в дела волостной юстиции мировых посредников, рассматривавших судебные дела в апелляционном, а не кассационном порядках (как этого требовал закон). Так, волостной суд вынес справедливый обвинительный приговор крестьянину за совершенную им кражу, однако миро-

¹⁹⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 47. Л. 21.

¹⁹⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 48. Л. 24.

²⁰⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 49. Л. 26 об.

²⁰¹ Составлено автором по: ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 46. Л. 24; Там же. Д. 47. Л. 21; Там же. Д. 48. Л. 24; Там же. Д. 49. Л. 26 об.; Там же. Д. 50. Л. 28 об.; Там же. Д. 51. Л. 42.

²⁰² РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 102 об. – 103.

вой посредник незаконно переквалифицировал дело в кражу со взломом и возбудил новое уголовное преследование через мировой съезд. Часто мировые посредники отменяли приговоры волостных судей, что «сильно колеблет в населении веру в самостоятельность своего суда»²⁰³.

В-пятых, иногда волостные судьи рассматривали дела, не относившиеся к их компетенции. Так, в Красноуфимском уезде судьи высылали за пределы волости крестьян, а также принимали к своему разбирательству дела о принуждении к вступлению в брак, налагая за это с виновных денежный штраф²⁰⁴. Подобные проблемы возникали даже через 20 лет, когда волостные суды постоянно принимали к рассмотрению дела «по спорам о земельных участках между отдельными сельскими обществами», которые не входили в компетенцию волостной юстиции. Например, шадринскому по крестьянским делам присутствию пришлось сделать предостережение и еще раз напомнить, что «волостные суды не имеют права принимать подобные дела к своему рассмотрению, в противном случае присутствие вынуждено будет волостных судей подвергать должностному взысканию»²⁰⁵.

Таким образом, сенатор Клушин в процессе ревизии Пермской губернии коснулся проблем всего местного суда, его организации и деятельности. После проведения судебной реформы 1864 г. местный суд должен был состоять из двух главных частей: всеобщего мирового и крестьянского сословного волостного суда. Несмотря на выявленные проблемы в волостной юстиции, ревизор отметил ее явные преимущества. Однако дальнейшее совершенствование местной судебной системы сенатор связывал с введением Судебных уставов 1864 г. и созданием современной системы низших судебных учреждений. Благодаря отчетам ревизора уже в конце 1873 г. в Пермской губернии начал действовать мировой суд – неотъемлемая составная часть пореформенного местного суда. К сожалению, отсутствие внутренних связей между волостными и мировыми судами не сформировало единого и независимого пореформенного местного суда.

---

²⁰³ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 104 об. – 105.

²⁰⁴ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 104 об.

²⁰⁵ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 31. Л. 123 – 123 об.

Проблемы местных волостных судов, обозначенные не только П.Н. Клушиным, но и ярко описанные серией сенаторских ревизий начала 1880-х гг., происходили повсеместно в Российской империи, в том числе и Пермской губернии. Так, в 1881 г. председатель шадринского уездного земского собрания Е.И. Кыштымов отмечал: «Кому неизвестно из вас, что в деревнях в настоящее время всякое общественное дело кончается водкой. После окончания волостного суда идет попойка судей и тяжущихся!» Земство единогласно поддержало идею Кыштымова: «Поставить под контроль мировых судей волостные суды»²⁰⁶.

Подобные мнения поддержали чердынские и соликамские гласные, отмечая необходимость ликвидации зависимости волостной юстиции от волостных старшин и еженедельного проведения судебных заседаний волостными судьями²⁰⁷. Красноуфимское земское собрание высказывалось за сохранение местного волостного суда «с предоставлением права недовольной стороне апеллировать местному мировому судье, который окончательно решает по существу эти дела или по законам, или в делах имущественных по местным обычаям в присутствии непременно двух волостных судей по очереди из волостей, входящих в состав мирового участка, а затем, в случае неудовольствия одной из сторон, дело подлежит кассационному рассмотрению в съезде мировых судей, при участии трех представителей от крестьянского сословия»²⁰⁸.

Отметим, что в Пермской губернии, в отличие от мировых судей, «волостные судьи зачастую не имели образования», в частности, в Красноуфимском уезде не было грамотных волостных судей²⁰⁹, недостаток ощущался даже в лицах, «способных для занятия должностей волостных писарей, которые здесь в большинстве полуграмотны»²¹⁰.

Некоторые крестьяне Пермской губернии не соглашались с приговорами неграмотных волостных судей, не имевших возможности (в силу своего обра-

²⁰⁶ Журналы XV чрезвычайного Шадринского уездного земского собрания. Шадринск, 1881. С. 4–7, 68–73.

²⁰⁷ Журналы VII чрезвычайного и XII очередного Чердынского уездного земского собрания. Пермь, 1882. С. 28–29; Журналы IX чрезвычайного Соликамского уездного земского собрания. Вятка, 1882. С. 45–46.

²⁰⁸ Журналы XII очередного Красноуфимского уездного земского собрания. Кунгур, 1882. С. 360.

²⁰⁹ Симонова А.В. Волостные суды Пермской губернии (1861–1917): социальный состав // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. статей. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 41.

²¹⁰ Журналы III чрезвычайного Красноуфимского уездного земского собрания. Екатеринбург, 1873. С. 53.

зования и традиционных взглядов на крестьянский быт) учитывать реалии социально-экономической модернизации, протекавшей в Российской империи во второй половине XIX в.: «Между тем, потребности сельского общества заметно изменились и ушли вперед, сообразно изменению и движению общих экономических условий целой страны и сообразно тому понятию о достоинстве человеческой личности, которое успело, несмотря на все стеснения, проникнуть сюда из другой более образованной среды»²¹¹.

В уездных земских собраниях постоянно поднимались вопросы о проблемах крестьянского суда: «Не получив удовлетворения в волостном суде, или будучи обижены им, они (крестьяне) вообще желают, чтобы в таких случаях разбирали их дело мировой судьей... они знают, что судья и скорее разберет их дело и при том разберет правильно»²¹². В это же время известный реакционный начальник Пермской губернии А.К. Анастасьев признал, что решения волостных судей «нередко основываются на лицепритии и подкупе, отправление судьями своих обязанностей превращается иногда в пьяную оргию, в которой принимают деятельное участие и тяжущиеся»²¹³.

В 1880 г. в Пермский окружной суд было передано дело бывшего волостного судьи Асовской волости, Кунгурского уезда Ивана Потапова, который потребовал с истицы – крестьянской девицы Акулины Тимофеевой – один рубль, «угрожая, в противном случае, обвинить ее и заставить вымыть пол в волостном правлении». На предварительном следствии многие свидетели подтвердили «вышеизложенные обстоятельства дела», а судья не признал себя виновным, но «не представил в свое оправдание никаких заслуживающих уважение объяснений». Однако присяжные, большинство которых являлись крестьянами, признали Ивана Потапова невиновным²¹⁴. Судейские требования о «вспоможении» от судящихся были нормой в крестьянской среде, которая, в соответствии с обычаем, не считала мелкое вымогательство преступлением.

---

²¹¹ Крестьянские волостные суды // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 368

²¹² Журналы VII чрезвычайного и XII очередного Чердынского уездного земского собрания. Пермь, 1882. С. 28.

²¹³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 368.

²¹⁴ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1653. Л. 2, 36–41.

В середине 1880-х гг. судили за «преступление по должности» трех бывших волостных судей Красноуфимского уезда Пермской губернии. Судьи, как обычно, потребовали с истцов денежное вознаграждение: «Теперь нам нужно дать магарыч», но получили отказ. Тогда ночью они пришли под окна дома Григория Мальцева (одного из истцов) «и стали стучать, просили впустить их, заявляя, что судьи идут». Требования перемежались с угрозами: «Не высудить дела о шапке! Если нас не пригласишь, то к нам в волость не ходи». Перепуганное крестьянское семейство не пустило назойливых волостных судей, а судебное дело о вымогательстве решали присяжные заседатели Пермского окружного суда. В очередной раз подозреваемые были оправданы²¹⁵.

Большинство дел завершалось на предварительном следствии с формулировкой: «Возбужденное против волостного судьи Елкина судебное преследование за вымогательство прекратить» за отсутствием доказательств²¹⁶. Некоторые дела о взяточничестве доходили до судебных палат, но там прекращались, «за неимением доказательств». Так, Сарапульское уездное по крестьянским делам присутствие пришло к выводу, что «волостные судьи Данила Владимиров, Борис Семенов и Егор Яковлев предложили Кузнецову дать им денег и угостить водкой» и передало дело в Казанскую судебную палату. Товарищ прокурора не принял в расчет показания основного свидетеля, предложил прекратить дальнейшее «производство» и «отменить принятую против них меру пресечения»²¹⁷.

Подобные «случаи» никого не удивляли и считались своеобразной нормой в пореформенный период. Сами волостные судьи попадались на воровстве: в 1881 г. волостной судья не успел «вступить на седалище фемиды творить правосудие», как «сам в то же время не устыдился хищническим образом ночью увезти из лесосеки квартирные дрова, заготовленные его же однообщественниками»²¹⁸. На следующий год во время судебного процесса ответчики избили истца в присутствии волостных судей, которые впоследствии вынесли им оправдательный

---

²¹⁵ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1818. Л. 4–4 об., 38–39.

²¹⁶ НА РТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 273. Л. 4.

²¹⁷ НА РТ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 174. Л. 54–56 об.

²¹⁸ Екатеринбургская неделя. 1881. № 37. С. 500.

приговор²¹⁹. Сами крестьяне выбирали судей, поэтому «в нашем селе в число судей выбраны Лапша и Жук. Из них Лапша имеет привычку рубить лес в чужих дачах, а Жук бывает каждую неделю по три раза пьян. И по этой-то именно причине и выбран в судьи, ибо, как мужик ледащий, он на заработки не отлучается и для своего семейства бесполезен»²²⁰. После подобных «историй» заявление вятского губернатора о том, что в волостном суде «правды нет, крестьяне ему не верят и он нетерпим», звучало естественно и понятно²²¹.

Даже явные нарушения волостных судей оставлялись уездными по крестьянским делам присутствиями без последствий. Так, крестьянин Петропавловской волости Шадринского уезда Пермской губернии Фрол Вальхин жаловался на решение местного волостного суда из-за заочно вынесенного решения, а, следовательно, и отсутствия свидетелей с его стороны. Кроме того, процессуальные нормы нарушены потому, что «не было предложено сторонам примирения». Причем староста мог «удостоверить», что ответчик не получал повестки на суд! Все эти причины не являлись вескими для уездного присутствия, которое определило: «Жалобу крестьянина Фрола Андреева Вольхина на решение волостного суда в виду вышеизложенного оставить без последствий»²²².

Напротив, близкую по содержанию жалобу крестьянина Василия Зайкова удовлетворило шадринское по крестьянским делам присутствие. В начале 1883 г. Зайков обратился в эту кассационную инстанцию с просьбой отмены решения уксянского волостного суда, указывая «на несоблюдение волостным судом 107 статьи Общего Положения»²²³, а именно, что суд не предлагал сторонам примирения, что видно из копии с решения волостного суда»²²⁴. Это обстоятельство, в отличие от предыдущего дела Фрола Вольхина, подействовало на членов уездного присутствия, которые отменили решение и направили дело на повторное рассмотрение в тот же волостной суд.

²¹⁹ Екатеринбургская неделя. 1882. № 4. С. 68.

²²⁰ Крестьянские волостные суды // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 371

²²¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 101.

²²² ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 – 4 об.

²²³ ПСЗ-2. СПб., 1863. Т. 36. № 36657. Ст. 107. С. 157. «При рассмотрении тяжёлого дела в самом волостном суде, судьи, по выслушании тяжущихся сторон, стараются склонять их к примирению...»

²²⁴ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 11. Л. 107.

В то же время, требование крестьянина Новопетропавловской волости Ивана Жиделева об отмене решения местного волостного суда, в связи с близким родством судьи и ответчика, шадринское уездное по крестьянским делам присутствие оставило без последствий. Хотя волостной старшина составил следующий рапорт: «Имею честь донести, что волостной судья Василий Коробицин, участвовавший в постановлении решения волостного суда за 3 июня с крестьянином Степаном Юровским, в родстве не состоят, а только *называются между собой сватами, потому что у волостного судьи Коробицина двоюродный племянник женат на сестре Степана Юровских*». В результате уездное присутствие признало это «дальним» родством и решение суда оставило без изменений²²⁵.

Крестьянин Красноуфимского уезда П.А. Русинов вообще направил прошение Александру II с жалобой на «незаконное наказание его розгами», так как истица являлась ближайшей родственницей судьи А.Ф. Чебыкина, поэтому ответчик Русинов «был безвинно и без постановления приговора подвергнут наказанию розгами волостными судьями»²²⁶. Из каких принципов исходили члены уездных присутствий неизвестно. Остается загадкой, почему заочно вынесенные решения без ответчиков, близкие связи судей и судящихся не являлись прямой причиной для отмены решений волостного суда? Подобные двойные стандарты плохо влияли на развитие правосознания крестьян.

В целом, анализ решений шадринского уездного по крестьянским делам присутствия по кассационным жалобам подтверждает, что справедливыми признавались лишь явные нарушения законодательства: если волостные судьи принимали к рассмотрению иски, превышавшие 100 рублей, или разбирали дело между крестьянином и мещанином, или «превышали власть», например, наказывая за крестьянские проступки более 20 ударами розог²²⁷.

В начале 1880-х гг. в связи с огромным количеством подобных ситуаций солидные проекты преобразований местной юстиции для кахановской комиссии

---

²²⁵ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–6.

²²⁶ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 381. Л. 40.

²²⁷ ГАШ. Ф. И-597. Оп. 1. Д. 11. Л. 109–143.

подготовили чердынское, камышловское, екатеринбургское, пермское уездные земские собрания. Основные их предложения заключались в следующем:

1) сохранить волостной суд, но апелляционные жалобы на его решения направлять мировым судьям. Это справедливо объяснялось тем, что «крестьяне не имеют никакого понятия о кассации и жалуются всегда на неисправность, а не на законность решения своих судов»;

2) апелляционные инстанции под председательством участковых мировых судей включали бы нескольких волостных судей, выбранных выборщиками от всех волостей одного судебно-мирового участка. Заседания должны были проводиться не менее одного раза в два месяца;

3) кассационные жалобы направлялись бы не в уездные по крестьянским делам присутствия, а в съезды мировых судей;

4) обязать волостные сходы избирать волостных судей в количестве не менее семи человек, что позволило бы безболезненно вносить изменения в состав судей при их заинтересованности в рассматриваемых судебных делах;

5) заседания волостных судов должны проходить не менее одного раза в неделю в определенные дни;

6) не допускать вмешательство волостной администрации в судопроизводство волостных судей;

7) предоставить право волостным судам выносить заочные решения, если «законность неявки не будет доказана»;

8) составить сельский судебный устав, «согласив оный с общими судебными уставами, с присовокуплением краткого наставления в форме обрядности, подлежащей соблюдению при разборе дела»;

9) не допускать до решения дел судей, находящихся в нетрезвом виде²²⁸.

Несмотря на трезвые предложения земцев, никаких изменений в организации и деятельности пермского волостного суда не произошло до введения закона о земских начальниках. В Пермской губернии ликвидировать выборный мировой суд и подчинить волостных судей административному надзору зем-

---

²²⁸ Материалы по преобразованию местного управления в губерниях. 1884. СПб., ч. 1. С. 30, 101–102, 184–185.

ских начальников должны были еще в сентябре 1892 г., когда приступили к «введению в действие законоположений 12 июля 1889 г. в губерниях Бессарабской, Таврической и Херсонской». Однако «ввиду бюджетных затруднений минувшего года и неполноты сведений, представленных Пермским губернским временным комитетом относительно потребного в сей губернии числа земских и городских участков, признано было осуществление преобразования крестьянских учреждений и судебной части в Пермской губернии отложить до 1 сентября 1893 г.»²²⁹, когда и была проведена контрреформа и ликвидация выборного и независимого местного суда на Урале.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключалась специфика Пермской губернии?
2. Какие отзывы на волостной суд Пермской губернии звучали в 1860-х гг.?
3. Какие проблемы в организации и деятельности волостного суда выявил сенатор П.Н. Клушин?
4. Соответствовало ли развитие волостного суда Пермской губернии общероссийским тенденциям?
5. Перечислите основные пункты проекта гласных уездных земских собраний Пермской губернии по преобразованию волостного суда?

---

²²⁹ ОР РГБ. Ф. 290. П. 64. Д. 4. Л. 1.

Заключение

Таким образом, в 1861–1889 гг. на территории великорусских губерний действовал независимый, выборный крестьянский суд, максимально приближенный к населению и решавший на основе обычая мелкие крестьянские судебные дела. Однако организационные основы этого учреждения, утвержденные Положением 19 февраля 1861 г., были недостаточно продуманы и отвечали потребностям только переходного периода. Выходом из создавшегося сложного положения могло стать объединение волостной и мировой юстиции во взаимосвязанный местный суд, что было необходимо по следующим причинам: во-первых, в Судебных уставах 1864 г. для мировых судей была предусмотрена возможность решать иски с применением обычного права: «Мировые судьи постановляют свои решения на основе местных обычаев лишь в тех случаях, когда законом дозволяется ими руководствоваться. При этом ограничении, очевидно, не будут иметь силы на суде не только обычаи, признанные вредными самим законом, но и противоречащие ему». Такое указание давало возможность мировым судьям в апелляционных постановлениях использовать обычное право, нивелируя его негативные стороны; во-вторых, население, наконец, смогло бы подавать жалобы на несправедливые решения крестьянского суда; в-третьих, мировые судьи не всегда имели юридическое образование, но им приходилось (в отличие от волостных) тщательно рассматривать судебные дела, так как истцы и ответчики имели право в апелляционном и кассационном порядках обжаловать решения мировых судей; в-четвертых, апеллирование дел у мировых судей позволило бы снизить влияние волостной администрации, наладить тесное взаимодействие между мировым и волостным судами, изучить и сопоставить крестьянское обычное право и фиксированное законодательство.

Поэтому с самого введения Судебных уставов 1864 г. в губерниях обширной Российской империи назрела необходимость инкорпорации волостной и мировой юстиции, создания единого местного суда. Эмансипации крестьян, развитие в их среде социально-экономических связей с каждым годом увеличи-

вали потребность народа во всесословном местном суде, близком к населению и удобном для решения незначительных уголовных и гражданских дел. Однако искусственная консервация сословной системы, опорой которой в значительной мере являлась крестьянская община, привели к торможению модернизации судебной системы и правового сознания в стране.

Примеры последующей деятельности волостных судей подтверждали, что уже после издания Судебных уставов 1864 г. и введения всесословного мирового суда возникла насущная потребность объединения волостного и мирового судов (через апелляционные, кассационные или другие формы взаимодействия) в структурированный всесословный местный суд. Этому процессу препятствовали взгляды властной элиты, боявшейся начать разрушение крестьянской общины, как основной налогооблагаемой единицы государства. Кроме того, страх усиления выборного мирового суда, превращение его в сильный и независимый местный суд, влияли на дальнейшую модернизацию низших судебных учреждений. Закон о земских начальниках 1889 г. являлся выражением чаяний консервативного крыла. Закономерным итогом стало уничтожение разделения властей на уровне крестьянского самоуправления и надежды на сильный, независимый, всесословный местный суд, введение правительственного контроля над волостными судьями и торможение развития правового сознания крестьянства.

Список литературы

1. Алексеев, В. В. *Общественный потенциал истории* [Текст] / В. В. Алексеев. – Екатеринбург, 2004.
2. Бёрнбэнк, Дж. *Местные суды, имперское право и гражданство в России* [Текст] / Дж. Бёрнбэнк // *Российская империя в сравнительной перспективе* : сб. статей. – М., 2004. – С. 320–358.
3. Богданович, А. В. *Три последних самодержца* [Текст] / А. В. Богданович. – М., 1990.
4. Валуев, П. А. *Дневник 1877 – 1884 гг.* [Текст] / под ред. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. – Пг., 1919.
5. *Внутренние известия. Екатериненштадт, Самарской губернии (Волостной суд с истязанием)* [Текст] // *Современные известия*. – 1877. – № 71. – 14 марта.
6. *Внутренняя почта. С. Екатериноштадт (Никола. уезда, Самар. губ)* [Текст] // *Русский мир. Газета политическая, экономическая и литературная*. – 1877. – № 68. – Суббота, 12 (24) марта.
7. Вольтке, Г. С. *Новый местный суд* [Текст] / Г. С. Вольтке. – Пг., 1915. – Ч. 2. – С. 1–2.
8. Воронов, Ф. Ф. *Сорок лет тому назад* [Текст] / Ф. Ф. Воронов // *Вестник Европы*. – 1904. – № 7. – Кн. 7.
9. Галкин-Враский, Н. *Об уездном самоуправлении* [Текст] / Н. Галкин-Вранский // *Юридический вестник*. – 1881. – № 3. – С. 506–523.
10. Генкин, Д. М. *Местный суд и его реформа* [Текст] / Д. М. Генкин. – М., 1908. – С. 1–12.
11. Геннади, Г. *Кое-что о волостных судах* [Текст] / Г. Геннади // *День*. – 1862. – № 20.
12. Дашкевич, Г. А. *О волостном суде и его реформе (из наблюдений над крестьянским самоуправлением)* [Текст] / Г. А. Дашкевич. – Вильна, 1885. – 104 с.

13. Дерюжинский, К. Местный суд. Восстановление выборного мирового суда применительно к законодательным предположениям третьей Государственной думы [Текст] / К. Дерюжинский. – М., 1909. – С. 3–12.
14. Джаншиев, Гр. К 30-летию Мирового Суда [Текст] / Гр. Джаншиев // Выборный мировой суд : сб. статей. – СПб., 1898. – С. 21.
15. Дмитриев, А. Очерки из истории губернского города Перми. Летописи города Перми с 1845 по 1890 г. [Текст] / А. Дмитриев. – Пермь, 1889.
16. Домашняя летопись [Текст] // Русское слово. – 1864. – № 6. – С. 101–120.
17. Ежегодник Пермского губернского земства. – Пермь, 1914.
18. Екатеринбургская неделя. – 1879. – № 7. – 12 сентября.
19. Екатеринбургская неделя. – 1881. – № 37. – С. 500.
20. Екатеринбургская неделя. – 1882. – № 4. – С. 68.
21. Ефименко, А. Народные юридические воззрения на брак [Текст] / А. Ефименко // Знание. – 1874. – № 1. – С. 1–45.
22. Журнал Пермского губернского по крестьянским делам присутствия 1864 г. от 23 января № 62 [Текст] // Приложения к Пермским губернским ведомостям. – 1864. – № 7. – 14 февраля.
23. Журналы IX чрезвычайного Соликамского уездного земского собрания. – Вятка, 1882.
24. Журналы VII чрезвычайного и XII очередного Чердынского уездного земского собрания. – Пермь, 1882.
25. Журналы XII очередного Красноуфимского уездного земского собрания. – Кунгур, 1882, 1873.
26. Журналы XV чрезвычайного Шадринского уездного земского собрания. – Шадринск, 1881.
27. За что судили [Текст] // Кировская правда. – 1982. – № 225. – 29 сентября.

28. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) [Текст] / П. А. Зайончковский. – М., 1970.
29. Зарудный, М. И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов [Текст] / М. И. Зарудный. – СПб., 1874. – 226 с.
30. Зарудный, М. И. Неразрешенный еще вопрос русской общественной жизни (крестьянский суд) [Текст] / М. И. Зарудный // Журнал гражданского и уголовного права. – 1874. – № 5–6. – С. 172–196.
31. Зарудный, М. И. Опыт исследования местного крестьянского суда (по данным, собранным комиссией о волостных судах) [Текст] / М. И. Зарудный // Журнал гражданского и уголовного права. – 1874. – № 3–4. – Кн. 2. – С. 170–211.
32. Земцов, Л. И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60 – 80-е гг. XIX в.) [Текст] / Л. И. Земцов. – Воронеж, 2007.
33. Коц, Е. С. Местный суд и его реформа [Текст] / Е. С. Коц. – СПб., 1913. – С. 8–18.
34. Крестьянские волостные суды [Текст] // Русский вестник. – 1862. – Т. 41.
35. Крестьянский суд // Отечественные записки. – 1874. – № 1.
36. Кто и как судил крестьян России [Текст] // Кировская правда. – 1865. – № 290. – 9 декабря.
37. Кузнецов, С. В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX века [Текст] / С. В. Кузнецов // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 5. – С. 97–110.
38. Лихарев, В. О подсудности уголовных дел мировым судьям [Текст] / В. Лихарев // Журнал министерства юстиции. – 1868. – № 4. – С. 295–314.
39. Лунгин, С. Ф. Волостные суды [Текст] / С. Ф. Лунгин // Русский вестник. – 1864. – № 3. – Т. 50. – С. 383–397.

40. Любичанковский, С. В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. [Текст] / С. В. Любичанковский // Клио. – 2005. – № 3. – С. 125–131.
41. Любичанковский, С. В. Практика административного расследования должностных преступлений чиновников в оценке сенаторских ревизий начала XX в. [Текст] / С. В. Любичанковский // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 10. – С. 38–43.
42. Люблинский, П. И. Выборный местный суд [Текст] / П. И. Люблинский. – Пг., 1917. – С. 17–28.
43. Максимов, Д. С. Волостной суд в системе правового регулирования деятельности крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / Д. С. Максимов // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 2 (4). – С. 63–66.
44. Марков, К. Из деревни [Текст] / К. Марков. – СПб., 1862. – С. 1–4.
45. Материалы по преобразованию местного управления в губерниях [Текст]. – СПб., 1884. Т. 3.
46. Менщиков, И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне [Текст] / И. С. Менщиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-1 (68). – С. 119–124.
47. Мещерский В.П. Еще о волостных судах // Русский вестник. 1864. Т. 51. С. 776.
48. Михалкина, Т. А. Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России [Текст] / Т. А. Михалкина // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2006. – № 10. – С. 5.
49. Нужно ли сохранить волостные суды? [Текст]. – М., 1873. – 35 с.
50. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX в. [Текст] / отв. ред. В. В. Алексеев. – М., 2000.

51. Пекшева, Л. А. Местное управление в России во второй четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) [Текст] / Л. А. Пекшева // Регион: системы, экономика, управление. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 70–73.
52. Перетц, Е. А. Дневник Е.А. Перетца (1880–1883) [Текст] / Е. А. Перетц. – М., 1927.
53. Пермские губернские ведомости (ПГВ). – 1875. – № 95.
54. Пестржецкий, А. О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости [Текст] / А. Пестржецкий // Журнал Министерства юстиции. – 1861. – Т. IX. – С. 3–30.
55. По вопросу о преобразовании волостных судов // Отечественные записки. 1873. № 1. С. 85–92;
56. По вопросу о преобразовании волостных судов [Текст] // Отечественные записки. – 1873. – № 1. – С. 85–92.
57. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации [Текст] / И. В. Побережников. – М., 2006.
58. Подоба, И. Г. Новый местный суд (по закону 15 июня 1912 г.) [Текст] / И. Г. Подоба. – Одесса, 1914. – С. 4.
59. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2) [Текст]. – СПб., 1863. – Т. 36. – № 36657.
60. Попп, И. А. А.К. Анастасьев [Текст] / И. А. Попп // Вопросы истории. – 2014. – № 2. – С. 82–90.
61. Попп, И. А. Местный суд в Российской империи (по материалам сенаторских ревизий начала 1880-х гг.) [Текст] / И. А. Попп // Историко-педагогические чтения. – 2013. – № 17. – Ч. II. – С. 511–518.
62. Попп, И. А. Мировой суд в Пермской губернии [Текст] / И. А. Попп // Очерки истории Урала / под ред. Э. А. Черноухова. – Екатеринбург, 2011. – Вып. 70.

63. Попп, И. А. Мировой суд Пермской губернии в 1873 – 1893 гг. [Текст] : дисс ... канд. ист. Наук / Иван Александрович Попп. – Екатеринбург, 2011. – С. 224–235.
64. Популярная энциклопедия Пермского края. – Пермь, 2006. – Т. 1. – С. 108.
65. Савченко, Н. А. Исторический опыт осуществления сенаторских ревизий в Российской империи (на примере Курской губернии) [Текст] / Н. А. Савченко // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2007. – № 3. – С. 93–97.
66. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1884 г. губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб., 1885.
67. Симонова, А. В. Волостные суды Пермской губернии (1861–1917): социальный состав [Текст] / А. В. Симонова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. статей. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 6.
68. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны [Текст]. – СПб., 1867. – Ч. 2.
69. Труды комиссии по преобразованию волостных судов [Текст] : в 8 т. Т. 1–8. – СПб., 1873–1874.
70. Христофоров, И. А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.) [Текст] / И. А. Христофоров. – М., 2011.
71. Шуструйский, А. В. Волостной крестьянский суд в период проведения крестьянской реформы 1861 года [Текст] / А. В. Шуструйский // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 72. – С. 183–185.
72. Языков, А. И. О преобразовании волостного суда [Текст] : Доклад действительного члена юридического общества при Императорском СПб. Ун-те в заседании Административного отделения общества 12 января 1885 г. – СПб., 1886. – С. 1–40.
73. Якушкин, Е. Волостные суды в Ярославской губернии [Текст] / Е. Якушин // Юридический вестник. – 1872. – № 3. – С. 1–12.

74. Янович, В. Итоги шестилетия (заметки земского начальника)
[Текст] / В. Янович. – Пермь, 1902.

Учебное издание

*Местный волостной суд
в 1860 –1890-х гг.*

Техническое редактирование: Адясова О.А.

Уральский государственный педагогический университет.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me